

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге»
Факультет истории

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание квалификационной степени магистра
«НЕМЕЦКОСТЬ» В ВОСПОМИНАНИЯХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ,
ДЕПОРТИРОВАННЫХ В КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

направление подготовки 46.04.01 История
образовательная программа
«Современные подходы к изучению политики памяти и культурной памяти»

Выполнила:

Свирина Дарья Викторовна

Научный руководитель:

PhD, доцент

Хирст Самуэль

Допущено к защите

Руководитель ООП:

Колоницкий Борис Иванович

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1.1. Характеристика материалов и особенности их сбора	24
1.1.2 Места депортации сегодня: Каратуз и Сагайск (Каратузский район), Степановка (Ирбейский район).....	27
1.2 Основное повествование и повторяющиеся мотивы	33
1.2.1 Источники нарративов: личный опыт, семья и общество	34
1.2.2 Основные нарративы и мотивы о депортации: столкновение пассивной позиции и активной роли во время депортации и после неё	39
Глава 2. «Немецкость» в рассказах о депортации	52
2.1 Семейное пространство – источник для понимания «немецкости»	54
2.2 Персональные имена и самоидентификация – игра идентичностей? ..	65
Глава 3. Путь от «Немецкости» и «советскости»	75
3.1 Представление о труде и трудолюбии как путь конверсии	76
3.2. Другие проявления «советскости»	85
Заключение	89
Список использованных источников и литературы	93
Приложение.....	99

Список таблиц и изображений

Таблица 1. Список информантов.....	23
Изображение 1. Обобщённая схема нарративов о депортации.....	41

Введение

Настоящая работа посвящена памяти о депортации поволжских немцев в 1941 году, тех, кто остался жить в Красноярском крае по сей день. Самый широкий круг вопросов касается нарративизации истории о депортации и её последствий в воспоминаниях этой группы. Иными словами, фокус обращён на то, о чём и как люди вспоминают.

Воспоминания о депортации представляют интересный кейс для изучения национальной идентичности после распада СССР. С одной стороны, в 1941 г. депортация осуществлялась по национальному признаку, и, учитывая предыдущий опыт национального строительства, депортированные немцы не могли не думать о себе через национальную категорию. С другой стороны, немецкая национальность обретала негативные коннотации о второй половине XX в. путь к реинтеграции в советское общество мог зависеть от отрицания своей немецкой идентичности. После распада СССР возможность эмигрировать в Германию создала позитивный стимул для тех, кто представлял себя как немца. Однако не все уехали. И для оставшихся в Красноярском крае, как и для многих на территориях бывшего СССР, память о политических репрессиях за последние два десятилетия актуализируется. Например, такая организация как «Мемориал» собирает информацию о репрессированных и проводит интервью с ними и их потомками, чтобы их истории не потерялись.

В данном исследовании анализируются интервью с поволжскими немцами, депортированными в Красноярский край в 1941 г. Часть этих интервью собраны в рамках экспедиции¹ в те населённые пункты, в которых проживают люди, которые были депортированы, или их потомки, родившиеся после депортации. Однако вместо того, чтобы использовать эти

¹ Историко-культурная экспедиция Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева и Красноярского общества «Мемориал» по сбору устных свидетельств репрессированных в 1930–1950-е гг. проходила в Каратузском районе Красноярского края с 4 июля по 10 июля 2016 г. Экспедиция организована в рамках проекта «Антропологический поворот в социально-гуманитарных науках: методика полевых исследований и практика реализации устных нарративов», реализация которого стала возможна при поддержке Фонда Михаила Прохорова.

интервью для воссоздания истории, о которой не писали в советских учебниках по истории, здесь анализируются формы самых рассказов. Обрисовывая контуры нарратива, я постараюсь проанализировать идентичность вспоминающих, особое внимание уделяя вопросу об их «немецкости». За последние двадцать лет историки уделяли большое внимание советской национальной политике, исходя из наблюдений об устойчивости национальных идентичностей после распада СССР. Для депортированных немцев «немецкость», безусловно, актуальна. Но как говорят люди о национальной идентичности, которая долгое время носила негативные последствия? Если человек наделяет себя «немецкостью», то, как она представляется и осмысливается в их воспоминаниях?

Историография

Настоящее исследование основано на пересечении нескольких историографических полей. Во-первых, это работы, посвященные национальной политике Советского Союза. В них проблематизируется национальный аспект политического, экономического, культурного развития советского государства и образованных после его распада национальных государств. Во-вторых, работа о немцах, проживающих в Красноярском крае, не может быть написана без учета их специфической истории, т.е. без обращения к специальной литературе, посвященной этой группе. Поэтому отдельное внимание уделено трудам о депортации поволжских немцев, касающимся опыта депортации в Красноярский край, дальнейшей жизни депортированных в этом регионе.

Работы, которые посвящены проблеме национальной политики Советского Союза, стали отправной точкой для постановки исследовательской проблемы. Среди таких работ нужно выделить статью Юрия Слэзкина «СССР как коммунальная квартира. Или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность?»²

² Yuri Slezkine, *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review*. 1994, Vol. 53. No. 2, Pp. 414-452 (Юрий Слэзкин, СССР как коммунальная квартира. Или

Автор отходит от сложившегося в то время в историографии представления Советского Союза как «тюрьмы народов», как государства, которое подвергало репрессиям национальные группы, входившие в его состав³. В работе Ю. Слёзкина делается упор на то, что советское руководство развивало и поддерживало национальное строительство. Для объяснения функционирования такой поддерживающей нации политики им введена метафора «коммунальная квартира». Так, в результате проводимой политики советское правительство считалось общим центром – общей территорией квартиры, которая постепенно ассоциировалось с владением русских. Очертания этой территории «были не очень четкими, её идентичность была не вполне этнической, а её “титulyные” граждане с трудом отличали РСФСР от СССР»⁴. А каждая другая нация, по возможности, имела свою территорию – комнату, в пределах которой её жители могли использовать свой язык, создавать обстановку, осуществлять быт, подчеркивающие их особенность и отличающие от других. Свою «комнату» получили немцы, проживающие в Автономной Советской Социалистической Республике Немцев Поволжья (далее - РНП), существовавшей с 1924 по 1941 год. Так как немецкое население Российской империи было разбросано по многочисленным колониям и имело существенные конфессиональные и другие отличия, то метафора коммунальной квартиры помогает нам понять, как советское государство способствовало развитию общей немецкой национальной идентичности.

Параллельно Ю. Слёзкину подобный взгляд на проблему национальной политики развился в работе Терри Мартина⁵. Он начинает свою книгу с того,

каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность? // Американская русистика: веки истории. Советский период., Самара, 2001.)

³ Обзор историографии по теме, см.: Джереми Смит, Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала “Ab Imperio”). – Казань, 2004. – С.353-376.

⁴ Юрий Слёзкин, СССР как коммунальная квартира. Или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность? // Американская русистика: веки истории. Советский период, Самара, 2001., С. 364

⁵ Терри Мартин, Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. – М., 2011

что для него кажется парадоксом: человека, впервые приехавшего на пространство бывшего интернационалистического государства и представлявшего свою идентичность в религиозных и гражданственных категориях, постоянно толкали к тому, чтобы идентифицировать себя в национальных категориях. Автор предлагает увидеть корни такого представления в национальной политике большевиков в первые десятилетия становления их власти, и его фокус обращен на 1923-1939 гг. Он указывает на то, что советское правительство видело национальность везде, не только создавая национальные комнаты в коммунальной квартире, но и осуществляя репрессию национальных групп, которые считались опасными в контексте развивающегося международного антагонизма 1930-х гг.

Рассуждая о действиях государства в отношении наций в 1920-х гг., в работе предлагается увидеть то, что Т. Мартин назвал «положительной деятельностью» советской власти. Нижняя черта обозначенных Т. Мартином хронологических рамок обусловлена сформированным к апрелю 1923 г. (XII съезд, специальная конференция комитета ЦК по национальной политике) официальным мнением о сущности советской национальной политики, которая оставалась неизменной долгое время. Эта политика заключалась в предоставлении льгот, более широких прав тем категориям населения, которые подвергались дискриминации в имперский период. Реализация необходимых мер шла за счёт образования национальных территорий, коренизации, развития национальных культур (что Ю. Слёзкин назвал бы комнатой в пределах коммунальной квартиры). Каждый из этих аспектов предложено рассмотреть на примере Украины, которая была своего рода авангардом национальной политики, Белоруссии, РСФСР (народов Запада и Татарстана), Казахстана (народов Востока).

Верхняя хронологическая граница книги Т. Мартина связана с постановлениями 1937-1938 гг., принятыми в апогей Большого террора и направленными на сворачивание положительной деятельности. В центре тезис, что в 1930-х гг. советская национальная политика существенно

изменилась: то, что раньше рассматривалось как «плюс», теперь рассматривалось как «минус». Национальные группы, которые рассматривались как пособники врагам, что создавало потенциальную угрозу для безопасности советского государства, начали подвергаться политическими репрессиями, депортациями и т.д. Не смотря на качественно различные стороны национальной политики в этих временных точках, общим остается обращение к Пьемонтскому принципу – учету трансграничных связей между мононациональными государствами и родственной этнической группой за их пределами (например, Германия и немцы, проживающие в СССР). Даже когда происходит пересмотр политики «положительной деятельности» и отказ от нее, такая связь продолжает учитываться и влиять на действия в отношении определенных этнических групп, имеющих диаспоры в составе СССР.

Структура анализа, предлагаемая Т. Мартином, применима к истории РНП. Для формирования трех параметров национального: территории, языка, национальной элиты и культуры, в отношении поволжских немцев проводилась аналогичная для других этнических сообществ политика. Сначала немцы получили территориальную идентичность в виде области в 1918 г., а позже в 1924 г. получили статус автономной республики⁶. Книга Т. Мартина заканчивается в 1939 г., но депортация немцев из Поволжья вписывается в его повествование, поскольку немцы подвергались репрессии отчасти по Пьемонтскому принципу, из-за их связей с Германией.

В диалог с предыдущими авторами вступает Франсин Хирш в своей работе, посвященной месту экспертов-этнографов в становлении национальной политики большевиков⁷. Если интерес к национальным идентичностям объединяет её с другими исследователями, то ответы на поставленные вопросы проводят между ними определенные границы. В частности, она спорит, например, с тем же Т. Мартиным о развитии

⁶ Герман А.А. СССР в 1930-е годы: «Борьба с немецким национализмом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 28

⁷ Francine Hirsch. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. (Culture and Society after Socialism.) Ithaca: Cornell University Press. 2005

национальной политики. Она не использует метафору «положительной деятельности» и предлагает видеть исторический эволюционизм как основную черту советской национальной политики. В 1930-х гг. происходит не отказ от национальной политики 1920-х гг., а переход на новый этап, на котором наднациональная советская идентичность играла более важную роль, чем национальная.

Как и упомянутые выше авторы, Ф. Хирш тесно связывает национальную политику Советов с большевистским (марксистско-ленинским) дискурсом об историческом развитии – общество должно пройти определенные стадии развития, в числе которых этап формирования национального самосознания. Но если национализация для Т. Мартина выступала в качестве цели большевистской деятельности, то для Ф. Хирш (как и для Ю. Слёзкина) это средство для достижения цели. В этом и проявляется эволюционизм; цель – строительство социализма, и, соответственно, формирование социалистической идентичности. В этом контексте она не видит «великого отступления» от первоначальной политики, выразившегося в терроре. Для Ф.Хирш репрессивная, жесткая политика является последствием увеличения скорости в строительстве социализма (что проявилось в индустриализации и коллективизации).

По идее Ф. Хирш, национализация в рамках эволюционизма предполагает двойную ассимиляцию: формирование национального тождества в конкретных сообществах, а затем формирование на основе этих национальных сообществ советского через чувство советского тождества. Так выходит, что у поляков, немцев на границе не было сформировано чувство того, что их родина Советский Союз, т.е. они не прошли вторую стадию ассимиляции. А те нации, которые формировались не так же, прошли следующий после национализации этап, что в совокупности привело к распаду СССР. Тогда можно предположить, что для Ф. Хирш советская национальная политика была изначально неэффективной для достижения поставленной большевиками цели. Однако для исследования

депортированных немцев Поволжья её видение национальной политики полезно, поскольку оно позволяет видеть депортацию не только как репрессивную меру, но, возможно, как процесс, в результате которой происходила интеграция людей в наднациональную советскую идентичность.

В основном все упомянутые авторы опираются на источники официального происхождения. Среди них можно назвать нормативно-правовые акты, стенограммы заседаний партии различных уровней, публикации партийных деятелей в прессе и журналах, официальная переписка большевиков, перепись населения и другие статистические отчеты и т.п. На основании анализа этих данных проанализирована официальная позиция в отношении национальной политики в СССР. Именно на этой основе Т. Мартин утверждает о существовании политики положительной деятельности. Ф. Хирш рассматривает взаимодействие большевиков и этнографов, обращая особое внимание на этнографические труды последних.

Расширяет данную перспективу исследования опыта конкретных мест и сообществ. Одной из работ с таким фокусом стала книга Кейт Браун о трансформации «Крес» - польское название пограничных территорий современных Украины, Польши и Литвы – из разнообразного (в различных аспектах) по составу населения места в украинизированное место за первые три десятилетия советской власти.⁸ Она старается посмотреть не только на официальные источники, но и найти людей и их мнения, которые за этими источниками скрываются. Поэтому автор обращается к газетам, отчетам, работам этнографов, интервью, дневникам и т.п. В центре внимания все тот же процесс национализации населения большевиками.

Более широким полем исследования К. Браун, в рамках которого происходила национализация, является процесс модернизации. Если «отсталые» «Кресы» находились за рамками исторического развития, то новые нации были включены в советский проект модернизации за счет

⁸ Kate Brown. *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2004.

коллективизации, индустриализации, образования и т.д.⁹ В её работе также рассматриваются вопросы в отношении памяти об этом конкретном месте у местного населения. «Кресы» - это польско-украино-еврейско-немецкое место, в котором одна деревня не похожа на другую. «No place» (отсутствующее место) – это метафора для подчёркивания важной особенности такого места – оно не вписано в исторический национальный нарратив. К. Браун проводила интервью и на их основе сделала вывод, что люди, проживающие в этом регионе в период 1923-1953 гг. (центром, польского самоуправления тогда был город Мархвельск (сегодня - Довбуш), не помнят чего-то определенного о нём, особенного. Когда история рассматривается в рамках национального, это место не становится частью истории со всем разнообразием идентичностей, которые там можно было обнаружить. Место («Кресы») порождало то, что существовало в человеческом воображении. Чтобы трансформировать представления населения, необходимо разорвать их связь с местом. Для этого применялись депортации 1920-1930-х гг., которые для К. Браун объясняются слабостью проводимых мер национализации и модернизации в целом.

В ходе анализа прошлого К. Браун часто приводит слова людей из настоящего. Так, она разговаривала с людьми живущими сегодня в бывших «Кресах», отправилась в Казахстан, чтобы поговорить с теми, кого от туда депортировали. В этих интервью автор находит переосмысление прошлого. Интересно здесь то, что после депортации поляки и немцы становятся не отсталыми, а колонизаторами, которые могут помочь местному населению в развитии территории. Для К. Браун разрыв связи с конкретным местом

⁹ Об это пишет Ю. Слёзкин в контексте официальной политики большевиков: «Конечной целью было упразднение всех видов отсталости (а следовательно всех значимых различий)...», а проблема увеличения числа автономных территорий, внутрипартийной логикой объяснялась тем, что это необходимо для преодоления для преодоления отсталости. См. Юрий Слёзкин, СССР как коммунальная квартира. Или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность? // Американская русистика: вехи истории. Советский период., Самара, 2001.- С.376. Slezkine Yuri, The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism, Slavic Review, Vol. 53, No. 2 (Summer 1994), 414—452 he USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism, Slavic Review, Vol. 53, No. 2 (Summer 1994), pp. 414—452

толкает бывший жителей «Кресов» к движению. И на основе такой мотивации они становятся частью советского проекта модернизации.

Тем самым К. Браун заглянула за пределы 1930-х гг. и постаралась понять как депортированные немцы или поляки говорят о своём положении уже в 1990-е гг. Для этого она брала интервью и делает выводы относительно того как эти переселенные народы воспринимают свое место в советской истории. Данная диссертация затрагивает подобные вопросы, но через обращение к другому опыту. Немцы Поволжья были депортированы не из отсталых «Крес», а из РНП. Для немцев Поволжья депортация в Сибирь история депортации отличалась от того, что слышала К. Браун. Немцы Поволжья были депортированы из передовой республики, что сложнее вписывать в нарратив прогресса подобный истории переселенцев из «Крес». Поэтому важно понять, как вспоминающие пишут и говорят о семье, себе и своём опыте.

Депортация немцев Поволжья представлена и в другом историографическом направлении, работы которого помогают определить специфику данного кейса. С середины 1990-х гг. начали выходить обобщающие труды по политике депортации, например, работы Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова, П.М. Поляна¹⁰. Исследователи старались определить причины и условия реализации переселений, регионы, куда население было направлено, рассмотреть действия центральной и местной власти по приему и размещению переселенцев. В работах В.Н. Земскова, отражена эволюция системы в целом, предпринята попытка охарактеризовать её количественный и качественный состав на разных этапах существования, обозначены некоторые социально-демографические последствия для депортированных в местах депортации.

¹⁰ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию ...» / Н.Ф. Бугай. – М., 1995; Полян П.М. Не по своей воле ... (история и география принудительных миграций в СССР) / П.М. Полян. – О.Г.И. «Мемориал» – М., 2001; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930– 1960 / В.Н. Земсков. – М., 2003 и др.

Большой вклад в изучение системы спецпоселений в Сибири внесли новосибирские историки С.А. Красильников, Л.П. Белковец и А.А. Шадт¹¹. В их работах сформулированы положения о системе спецпоселений, которые рассматривают её как особое социально-правовое явление, субъекты которого – спецпоселенцы – находились под надзором спецкомендатур и участвовали в хозяйственном освоении и промышленном развитии удаленных от центра территорий. В работах Л.Н. Славиной рассматриваются социально-демографические последствия депортации на материалах Красноярского края¹². Она пришла к выводу, что демографические потери у немцев от депортации оказались значительно большими, чем у русских и других народов после войны.

Настоящее исследование обращается к тому, что рассказывают сами депортированные. Я не использую то, что принято называть официальными источниками. Поэтому работы о политике, процессе и последствиях депортации, основанные на таких источниках, важны для понимания контекста, в котором оказались информанты и их семьи. Другими словами, я постараюсь дополнить формальную (представленную через официальные документы) картину депортации тем, какое место отводили себе сами депортированные в этой системе.

Следуя этим исследованиям, я придерживаюсь точки зрения, что категории национального определения являются важными в ходе дальнейшего развития политической, социальной и культурной сторон советского и постсоветских обществ. Рональд Суни назвал перестройку и последующий распад СССР на множество национальных независимых

¹¹ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – М., 2003; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование / Л.П. Белковец. – Новосибирск, 2003; Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2000 и др.

¹² Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) / Л.Н. Славина // Немцы России и СССР (1900– 1941 гг.): мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2000. – С. 503–516; Она же. Социально-демографические последствия депортации (на примере Красноярского края) / Л.Н. Славина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 34–39.

государств «реваншем истории»¹³. Политика Советов была тесно связана с идеей о национальности, что, в свою очередь, порождало трудности в изменении политических действий. Поэтому, когда пришло время трансформации, возникла проблема смены фокуса с национального языка на гражданственный.

В тоже время историки, занимающиеся депортацией немцев, в частности в Красноярский край, интересуются вопросами реализации переселения и дальнейшей адаптации населения к новым условиям. В данной работе предпринята попытка выйти за пределы довоенного периода и посмотреть на последствия национальной политики на примере отдельной этнической группы и в рамках конкретного региона депортации. И обратить внимание на то, как национальная идентичность менялась после депортации, и в какой форме она существует сейчас в воспоминаниях депортированных немцев.

Источниками для дальнейшего изучения послужили письменные и устные воспоминания. Источники собраны в ходе полевых работ в Красноярском крае и архивных поисков в Международном обществе «Мемориал»¹⁴ (Москва), Научно-информационном центре «Мемориал»¹⁵ (Санкт-Петербург) и Красноярском обществе «Мемориал»¹⁶. Условно можно выделить две группы источников, различные по своей форме: устная история; письменные воспоминания (мемуары, дневники).

Основными источниками являются интервью, собранные мной в рамках экспедиции устные истории репрессированных в разные годы советской истории. Личное участие приняла в 17 интервью с реабилитированными. Все 17 человек были немцами, депортированными в Сибирь в 1941 году.

¹³ См.: Ronald Grigor Suny. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. — Stanford University Press, 1993. — 200 p

¹⁴ Архив Международного общества «Мемориал». - [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.memo.ru/s/63.html>

¹⁵ Архив Научно-информационного центра «Мемориал» в Санкт-Петербурге. - [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.memorial-nic.org/arch>

¹⁶ Официальный сайт Красноярского общества «Мемориал». - [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/>

Также используются небольшое количество письменных воспоминаний мемуарного и автобиографического характера, что является следствием малочисленности подобных источников. В работе задействованы: автобиография В.К. Шнайдера, которая является частью сборника его стихов; опубликованные воспоминания Леонгарда Александра Александровича¹⁷. Помимо этого, Шнайдером написаны стихи, которые в большинстве случаев содержат мотивы, касающиеся пережитого опыта, в том числе депортации. Всего в сборнике 202 стихотворения. Экземпляр, попавший ко мне в руки, храниться у родственников Шнайдера в г. Енисейск Красноярского края. В отношении этих материалов еще два письменных воспоминания играют вспомогательную роль, поскольку они существенно отличаются. Запись Пиннер Анны Ярославовны, которая была переселена не с Поволжья, а из Ленинградской области, имеет важное отличие, т.к. основной фокус обращен на поволжских немцев как национальную группу. При этом важно, что в среде самих немцев бытовали представления о том, что «немец немцу рознь»¹⁸ и существовало разделение на поволжских и ленинградских немцев. Вторым вспомогательным текстом послужат воспоминания Бергман Маргариты Герардовны, которая сослана в 1941 году в Новосибирскую область¹⁹. Стоит отметить, что её предки со стороны отца и матери поселились на Украине. Позже, в возрасте 21 года, она вышла замуж за немца, вместе с которым они уехали в Республику немцев Поволжья. Оттуда в 1941 г. она попала в ссылку в Новосибирскую область.

Методологические основы

Несмотря на спорность термина «идентичность», оно часто используется в настоящей работе²⁰. В данном случае, говоря о идентичности,

¹⁷ Леонгард А.А., Я вспоминаю. – Красноярск. – 2012. – 32с.

¹⁸ Пиннер А.Я. (Красноярский край, Кежемский р-он, д. Тагора), 2009г., фотокопии хранятся в архиве НИЦ «Мемориал» (СПб).

¹⁹ Бергман М.Г. (19.12.1904-05.06.2001), Воспоминания – архив Международного «Мемориала» (Мск). На момент работы в архиве, данный источник еще не прошел процесс архивации, но был предоставлен для работы.

²⁰ Критику «идентичности» См. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61—115.

подразумевается ощущение индивидуальности, личности или принадлежности её к какой-либо группе, отличной от других групп, или обществу, отличному от других обществ²¹. «Немецкость» является определенной стороной идентичности, рассматриваемой с позиции национальной или этнической принадлежности.

В одной из своих работ Ирина Паперно, указывая на особенности советского опыта мемуаристики, утверждает, что идентичность можно найти в письме (доносы, официальные письма и т.п.)²². В культурных текстах, таких как мемуары и дневники, отражается индивидуальная переработка опыта. Опыт есть отражение особого рода практик, связанных с травмами, памятью²³.

В первой части своей книги И. Паперно уделяет внимание обзору, описанию воспоминаний и дневников, опубликованных в конце советской эпохи (и постсоветской). Главная идея заключается в том, что массово возникшие воспоминания имеют, во-первых, определенную историческую традицию, которая берет свое начало от А. Герцена. «Записки» Герцена выстраиваются вокруг «исторического сознания» (дающего воспоминаниям значимость исторического источника), обособления от государства (что способствует консолидации интеллигенции). Во-вторых, характерной чертой позднесоветских публикаций является общая тенденция к нарративизации. Ядро общего нарратива, по мнению И. Паперно, проявляется в сопоставлении частной и общественной жизни. Данный аспект автор раскрывает в тех событиях (смерть Сталина, Вторая мировая война/ВОВ, семейные истории и др.) и механизмах (противопоставление себя какому-то образу, обобщение – «коммуналка» и др.), которые имели центральное значение для пишущих. Жизнь, а вернее повествование о своей жизни,

²¹ Исаев Б. А. Социология. Краткий курс. СПб.: Питер, 2010. С.58.

²² См.: Paperno Irina, *Memories and Diaries published at the end of the Soviet Epoch // Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams*, Cornell University Press, 2009. – pp. 1-56.

²³ Добренко Е., Сталинская культура: вслушиваясь в письмо, читая голос // Новое литературное обозрение. – 2012. - №5 (117) – [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2642> (10.01.2017)

представляет собой, согласно этой теории, интерпретацию, задача которой – создание собственного образа²⁴.

Устные истории²⁵, анализ которых занимает основную часть настоящей работы, подразумевают наличие у рассказчика процесса нарративизации истории о депортации членов их семей. Процесс конструирования рассказа о жизни как соотношение различных событий и их интерпретация есть результат и процесс понимания индивидом своей жизни и себя. Результатом этого процесса является нарратив. Индивидуальный нарратив выступает в качестве посредника между индивидуальной жизнью и рассказом о социальном порядке. С одной стороны, он формируется под влиянием социального обмена символами и значениями, которые отражают определенную дифференциацию общества. С другой стороны, индивидуальный нарратив связывает личный опыт как социальный аспект и идентичность, к которой обращается человек и которая конструируется им самим. Этот источник дает нам информацию не о фактах прошлого, а о его осмыслении людьми, смыслы, которые вкладывают российские немцы, в частности, в национальность. Поэтому представляется возможным проанализировать существующие у информантов нарративные конструкции и соотнести их с контекстом его воспроизведения.

Понять, как переосмысляется прошлое на пост-социалистическом пространстве, становится одной из задач многих исследователей. Так, Катерина Вердери в своей работе о политической жизни «мёртвых тел» фокусируется на том, каким образом происходила деконструкция старого порядка и конструирование нового²⁶. Самой широкой проблемой для неё является борьба смыслов (миров), которая должна привести к какому-то соглашению и все это вытекает из глубинных изменений, которые она

²⁴ Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал, 2014, №4(16), С.23–33 [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://npsyj.ru/pdf/npi-no16-2014/npi_no16_2014_23-33.pdf (10.01.2017)

²⁵ Устная история понимается мной в теоретической рамке, предложенной Алессандро Портелли. См.: Алессандро Портелли, Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб: изд-во ЕУСПб, 2003. – С. 32-51

²⁶ Katherine Verdery, *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*. New York: Columbia University Press, 1999, 185 pp.

находит в событиях 1989 года. «Dead Bodies» (умершие тела), т.е. коллективные или именные памятники и останки, становятся её инструментом в отслеживании этих изменений смыслов.

Поле исследования К. Вердерии связано, с одной стороны, с политическим контекстом, который движет изменениями (например, создает форму восприятия чего-либо, опираясь на которую люди действуют). К политическому контексту она относит и экономические преобразования, которые связаны с политическим режимом. С другой стороны, большое внимание уделено культуре. Именно культурную жизнь автор видит через анализ манипуляций с умершими «телами».

Автор делает интересные выводы относительно изменения восприятия истории у людей, переживающих события 1989 г. Она называет смену социалистического порядка движением тектонических плит. Тем самым подчеркивается глубинность изменений, что повлекло за собой реальный конфликт представлений как в рамках общества, так и в личностном аспекте. Возникшие конфликты основаны на столкновении смыслов («тело» наполнено смысловыми значениями, поэтому становится полезным предметом анализа). Этот процесс – причина неспособности людей нарративизировать. В стабильной ситуации у людей есть шаблон, к которому он обращается для высказывания, в то время как в период смены режима, соответственно, шаблона возникает критический момент для создания высказывания.

Российские немцы, которые репатриировались в Германию начиная с 1980-х гг., преодолевают подобный нарратологический конфликт. Как показывает исследование социолога О.И. Зевелевой, репатрианты сегодня воспроизводят схожие рассказы, которые сводятся к идеям о долгожданном возвращении на родину, обретению настоящей свободы. Главную роль в формировании такого представления сыграл дискурс, сформированный в

рамках процесса репатриации: начиная от сбора документов до пребывания в лагерях для репатриантов²⁷.

Качественно другой процесс представляет опыт депортированных немцев, оставшихся жить в месте депортации. В перестроечный и постперестроечный период общественный интерес к истории значительно увеличился, под влиянием государственной политики, массово создавались неформальные организации, клубы по интересам²⁸. Это вписывалось в рамки государственной либерализации общества: отмены ограничений на проявление политической самостоятельности. «Открылись» архивы, что спровоцировало обсуждение «белых пятен» истории среди историков (преступления сталинизма, террор, ГУЛАГ и др.). Только такие темы остаются неудобными и подвергаются замалчиванию со стороны государства. Возможные попытки нарративизации истории репрессий в деятельности различных общественных организаций (наподобие МО «Мемориала») не выходят за рамки деятельности этих организаций и сталкиваются с другими официальными нарративами (например, глорификация Великой Отечественной войны). Поэтому у живущих сегодня в Красноярском крае людей, которых можно отнести к депортированным немцам или их потомкам, нет устойчиво повторяющегося нарратива о депортации.

В основе данной работы заложены несколько основных предположений, которые будут рассмотрены в этой работе. Первое заключается в том, что история о депортации не выходит за пределы семейной истории. В связи с чем, я придерживаюсь утверждения, что с помощью семейных историй у информантов формируются представления о

²⁷ Зевелева О. И. Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии) дис. ... канд. соц. наук. РГГУ, Мск, 2016. – [электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/xf/2015/12/03/1080876108/1%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%97%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf

²⁸ Летом 1986 года было утверждено «Положение о любительском объединении, клубе по интересам». На основании этого Положение любительское движение становится социально-культурным движением, отмежевываясь от неформальных, альтернативных движений. Пик деятельности этих клубов пришелся на конец 1980-х годов.

национальной категории «немцы». Эти представления и составляют содержание «немецкости» в пределах воспоминаний. Другая идея заключается в том, что «немецкость» тесно переплетена с «советскостью», национальный нарратив становится частью советского.

В рамках указанных вопросов и представлений, для меня стало важным проблематизировать собственный аналитический язык. На сколько правильно ставить «немецкость» именно в национальные рамки? Этот вопрос гораздо шире, чем проблемы, поставленные в данном исследовании. В историографии существует богатая традиция определения и применения таких категорий как нация/национальность и этнос/этничность²⁹ и производных от них понятий. Представление о нации в данной работе опирается на контекст, сформированный той историографией о советской национальной политике, которая была представлена ранее. Основываясь на выводах исследователей, большевики в 1920-1930-х гг. представляли нацию как определенное состояние общества. Характеристиками этой нации были общность языка, территории, культуры, национального самосознания. А «строительство наций», т.е. формирование указанных характерных черт нации, стало целью первых десятилетий советской политики. Нация, тогда, содержит политический аспект.

Этничность важна в этой работа как альтернатива национальности. В определении того, что скрывается за этничностью, я буду опираться на «краткое рабочее определение» социолога Энтони Смита в отношении того, что такое этнос. Он предложил видеть этнос как определенную группу людей имеющих общий миф о происхождении, общие воспоминания и культурные элементы, связь с исторической территорией или родиной и определенной мерой солидарности³⁰. Работы Э. Смита позволяют сопоставить этнос и нацию, как если бы первое было ресурсом, но неединственным для

²⁹ Подразумевается, что этнос и нация это обозначенное явление, объединяющее в коллектив, а этничность и национальность это проявление параметров этого явления в индивидуальных актах.

³⁰ «A brief working definition of the ethnie is a named human population with a myth of common ancestry, shared memories and cultural elements, and link with an historic territory or homeland and a measure of solidarity». См.: Anthony D. Smith, *The ethnic sources of nationalism*, *Survival// Global Politics and Strategy*, 1993, 35:1, P. 49

формирования второго³¹. Различая таким способом национальность и этничность, я постараюсь обратить внимание на различие между большевистским представлением национальности, и тем как говорят и пишут о своей «немецкости» депортированные немцы или их потомки. Ключевая роль семьи в рассказах депортированных немцев говорит о том, что немецкость представляется в менее политических чертах, то есть она больше похожа на этничность.

Исходя из выше обозначенных идей, **цель** работы состоит в том, чтобы определить проявление «немецкости» в воспоминаниях немцев Поволжья, депортированных в Красноярский край в 1941 году. В связи с поставленными вопросами и определенной целью, я выделила следующие **задачи** исследования:

1. Определить основные нарративы в рассказах о депортации, т.е. ответить на вопросы: о чем человек вспоминает и как?
2. Определить контекст, в рамках которого формировались и существуют представления о депортации немцев Поволжья. Что повлияло на воспоминания людей о депортации?
3. Выявить значения «немецкости» у вспоминающих. Понять, каким образом и для чего вспоминающий актуализирует немецкую идентичность, «немецкость».

Объектом исследования являются носители памяти о депортации поволжских немцев, оставшиеся жить в месте депортации в Красноярском крае. **Предмет** – воспоминания о депортации у тех, кто был депортирован непосредственно и членов их семей и то, как в этих воспоминаниях осмысляется национальность. **Хронологические рамки** в данной работе обусловлены возникновением имеющих письменных и устных воспоминаний, так нижней границей являются 1980-е гг., а верхней 2017 г.

Структура работы включает введение, три главы и заключение. В первой главе раскрываются особенности источников, которые подвергаются

³¹ См. Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publishers, 1998, pp. 312.

анализу. В первую очередь, это касается интервью. Эта глава задает необходимый контекст для дальнейшего понимания последующего анализа. Так поднимается вопрос о том, что люди рассказывают и что могло повлиять на их рассказ. Первый параграф раскрывает особенности мест сбора интервью, которое представляется через многонациональное разнообразие их населения. Особая роль в формировании этого признака отводится переселенческой политике, в числе которых называется депортация немцев. Во втором параграфе рассказываются основные нарративы и мотивы, которые содержатся в воспоминаниях. Главные их характеристики видятся в смене представлений о своей пассивной и активной ролей в рамках депортации.

Обозначив общие контуры нарратива и основные мотивы, вторая глава посвящена анализу того, как национальный аспект проявляется в воспоминаниях. В первом параграфе раскрывается главную роль семьи в формировании представлений о «немецкости». В рамках семьи информанты восприняли особенности того, что касается их национальности и их родителей. Я стараюсь выделить важные маркеры «немецкости» в словах вспоминающих. В следующей части главы, посвященной именам, я стараюсь ухватить то, как вспоминающие используют немецкие имена, которые в данной работе подразумеваются как атрибуты «немецкости».

Воспоминания о депортации часто представлены через категории советской эпохи. Поэтому третья глава затрагивает аспекты сочетания «немецкости» и «советскости» в восприятии информантами своей идентичности. Предлагается увидеть, что идея труда становится важным фактором такого сочетания.

Глава 1. Воспоминания о депортации

Данная глава выполняет функцию расширенного введения, той его части, которая касается источников. Это обусловлено их спецификой, в первую очередь, особенностями устной истории. Данный вид источника это результат не только самостоятельных усилий информантов, но и деятельности исследователя. Поэтому, представляется необходимым дать описание проведенной полевой работы, её цели и ходу проведения, что предполагает также долю самоанализа для автора.

Наравне с другими источниками личного происхождения, необходимо учитывать условия, в которых находился информант в момент интервью. Это касается не только конкретного места и времени бесед, но и общий контекст того места, где проводилось интервью. Важно, что информанты рассказывая про депортацию, продолжали жить в месте бывшей депортации, а не, например, в Германии. В этой связи отдельная часть главы будет посвящена описанию деревень, в которых живут информанты.

О Каратузском районе, если быть конкретнее о сёлах Каратузское (или Каратуз) и Сагайское (или Сагайск), деревне Черёмушки и Ирбейском районе и, в частности, деревне Степановка. Рассматривая этот аспект жизни информантов, важно понять, как их сегодняшнее положение могло повлиять на их рассказы о депортации. В какие условия они попали после депортации? Ответ поможет лучше понять, почему «немецкость», если она присутствует в их рассказах, наделяется теми, а не иными чертами, а если она отсутствует, то причины этого отсутствия. Это является важным компонентом для объяснения того, как они чувствуют себя, свою идентичность в окружающем их социальном пространстве. Этому будет посвящена первая часть первой главы.

Перед анализом интервью на конкретный предмет о национальной идентичности важно понять общее развитие нарративов информантов. Несмотря на то, что каждый полученный рассказ отражает индивидуальный опыт, рассказы имеют общую структуру и набор мотивов. Можно ли найти

общий нарратив условного сообщества депортированных немцев в указанных территориях? Этому вопросу будет посвящена вторая часть данной главы.

1.1. Характеристика материалов и особенности их сбора

Информантами в данном случае были люди, которые попали под государственную реабилитацию как репрессированные. Именно с помощью списка реабилитированных была возможность ускорить процесс поиска информантов. По итогу семидневной экспедиции, личное участие приняла в 12 интервью. Еще два интервью были взяты тем же летом в д. Степановка Ирбейского района. Кроме того, я использовала материалы, собранные коллегами (три интервью).

Таблица 1. Список информантов

№	ФИО	Год рождения	Населенный пункт
Каратузский район Красноярского края			
1	Курпас М.А.	1937	Сагайское
2	Роот И.В.	1955	Сагайское
3	Эйснер Д.Ф.	1953	Сагайское
4	Голубкова (Эйснер) Е.Ф.	1952	Сагайское
5	Локтева (Шваберланд) Т. Д.	1936	Сагайское
6	Роот В.В. (жена Роота Д.Е.)	1928	Сагайское
7	Шустова (Пауль) И. И.	1938	Каратузское
8	Винтер (Глейм) Ф. Г.	1929	Каратузское
9	Берестова (Вайсброд) А. К.	1938	Каратузское
10	Чугунекова (Гельгорн) Л. Ф.	1931	Черемушка
11	Рехлова (Вебер) Ф. Г.	1951	Каратузское
12	Овчиникова (Вилль) А.Г.	1955	Каратузское
Ирбейский район Красноярского края			
13	Оберман (Леонгард) М.А.	1930	Степановка
14	Леонгард В.А.	1935	Степановка
Дополнительные материалы			
15	Симонова (Бопп) Е.А.	1929 г.р.	Каратузское
16	Майснер М.А.	1954 г.р.	Каратузское
17	Исакова (Штайнц) М.А.	1953 г.р.	Сагайское

Используя имеющийся список и данные информантов, среди них можно выделить две основные группы. Первую составляют те, кто в момент переселения был ребенком младшего школьного возраста (до 10 лет). Год рождения в данном случае важный факт, говорящий о том, что они родились в АССР немцев Поволжья в период с 1928 по 1938 гг. Кто-то успел закончить несколько классов немецкоязычной школы. Также нужно обратить внимание на то, что к этой группе относятся в основном женщины (8)³². Компанию им составили двое мужчин. Вторая группа объединяет тех, кто родился в семье ссыльных немцев уже после депортации. Важно утонить, что по списку реабилитированных такими считаются те, кто родился с 1941 по 1956 гг. В 1956 г. произошло упразднение статуса спецпоселений, что является юридически важным фактом в определении правового статуса реабилитированного. Родившиеся в семьях депортированных немцев после указанного года, в данном случае, уже не могут претендовать на такой правовой статус. Среди людей, объединенных в эту группу, моими информантами также были три женщины и два мужчины. Но данное разделение имеет условный характер. Основным критерием разделения двух выделенных групп стало прямое или опосредованное отношение к самому событию – депортации.

Те, кто родился немного ранее самой депортации, помнят малочисленные детали их жизни в Поволжье. Они пережили саму депортацию. Но их память о депортации формировалась в условиях взаимодействия со старшими, как это будет показано ниже (родителями, бабушками, дедушками и т.п.). Их непосредственные воспоминания ложатся на те нарративные структуры, которые появляются не под влиянием этого поколения. Родившиеся в условиях спецпоселения знают о депортации их родителей и других старших членов семьи по историям и поведению своих депортированных родственников. Поэтому грань между двумя выделенными

³² Остается под вопросом, могут ли эти интервью демонстрировать своего рода «женский взгляд» на депортацию.

группа очень тонка, и можно говорить, что они обе представляют собой поколения постпамяти³³. Из-за этого во всех воспоминаниях много общего.

Знакомясь с людьми, необходимо было объяснить цель визита. Поэтому общий фон нашей беседы был определен темой депортации, и большая часть рассказа выстраивалась вокруг этого события.

В рамках интервью информанту предлагалось рассказать о том, как он и его семья оказались в Сибири. Задавая первый вопрос, я ожидала услышать историю, развивающуюся в логике информанта. Несмотря на то, что информанты были согласны на участие в интервью, разговаривать о депортации, в ходе разговоров становилось понятным, что большинство из них могло не иметь подобного опыта перед нашей беседой. У них не было готового нарратива, далеко не каждый мог вести долгий монолог. Поэтому я старалась оказать «помощь», основанной на дополнительных вопросах и общем выстраивании диалога. В редких случаях было очевидно, что рассказ совсем не идет, даже, когда задавались вопросы. Если информант всё-таки начинал рассказ и самостоятельно, без дополнительных вопросов мог выстраивать повествование, я старалась не перебивать его, «поощряла» его при помощи невербальных (кивание головой) и вербальных («Угу») знаков. Только после этого информант завершал, я продолжала нашу беседу при помощи нарративных вопросов, касающиеся определенного сюжета истории.

Для многих информантов национальный вопрос всплывал при рассказах о супругах. Так как многие из них остались жить в местах, куда их депортировали, заключали брак с представителями других наций. Во время разговоров нередко информанты говорили о своих супругах через национальную категорию, например как о русских: *«Привыкли мы своей нации. Я уже считай как русская. Я выросла здесь и выходила я в первый раз*

³³ Категория «постпамять» формировалась в рамках изучения Холокоста, в особенности в работах Марьяны Хирш. Термин призван помочь преодолеть разрыв временной и качественной дистанции между пережившими Холокост и их детьми. Подробнее см.: Marianne Hirsch, *The Generation of Postmemory // Poetics Today* 29:1, 2008, pp.103–128.

за русского. Моя первая дочь от русского мужа»³⁴. Даже те, кто заключал брак с немцем, обращали внимание на национальность супруга в ходе разговора, что дает понять об определенной степени важности национальности в выборе супруга.

Связь между супружеством и национальностью можно понять, если учесть многонациональность мест, в которых живут депортированные немцы. Национальное разнообразие рассматриваемых территорий можно проследить на основе приведенных исследователями данных, которые показывают, какие группы по национальному признаку были переселены в Сибирь. Но также важно услышать то, что люди говорят. Несмотря на то, что я брала интервью только у тех, кого можно назвать поволжским немцем или он из такой семьи), в повседневном общении можно столкнуться с другими национальностями. Важно, что они остались жить в месте, куда они или их родители были депортированы или рядом, несмотря на возможность уехать.

1.1.2 Места депортации сегодня: Каратуз и Сагайск (Каратузский район), Степановка (Ирбейский район)

С самого основания районов, в которых проходила экспедиция, их история связана с переселенцами из разных мест и разной этнической принадлежности. Многонациональное разнообразие, возникшее под влиянием большого спектра факторов, в числе которых можно выделить и национальную политику СССР, это одна из характерных черт мест, в которых сегодня живут информанты.

Большинство интервью были собраны летом 2016 г. Сначала я присоединилась к экспедиции, которую организовали преподаватели из Педагогического университета (КГПУ им. В.П. Астафьева) и красноярского «Мемориала». Экспедиции были нацелены на сбор информации о репрессированных по различным признакам в Красноярском крае.

³⁴ Интервью с Винтер (Глейм) Ф.Г., 1929 г.р.

Характеризуя эти места, начну с того, что села, в которых проводились интервью, находятся в достаточной отдаленности от регионального центра. Из Красноярска, откуда начинался наш путь, до Каратуза добираться около 6,5 часов, за которые мы проехали примерно 430 км. Возможно, около 30% дороги – значительный участок – имеет грунтовое покрытие. В начале июля погода стояла солнечная, и не было дождя все дни экспедиции, поэтому преодолевать этот путь на легковом автомобиле было незатруднительно, но было понятно, что в другие сезоны этот путь намного сложнее преодолеть. Автобусы ходят по маршруту Красноярск – Каратуз и обратно ежедневно дважды в сутки (в дневное и в ночное время) и путь длится около 10,5 часов каждый. Как я могу судить по разговорам, какое-то время назад до Каратуза можно было доехать на электричке из Красноярска (недалеко пролегает железная дорога Абакан-Тайшет – «Дорога мужества»³⁵). Но направление закрыли из-за отсутствия экономической выгоды: снизился пассажирский поток. Ближе к Каратузу расположены районные центры с более развитой образовательной, медицинской и экономической инфраструктурой – г.Минусинск и г.Абакан. Это становится очевидным из слов информантов: у многих дети живут в Абакане, в больницу ездят в Минусинск, именно с этими городами имеется более тесная связь. Информанты, как и многие живущие там постоянно, выезжают в случаях крайней необходимости. Чаще всего это связано с боязнью оставить без присмотра дом и хозяйство, если оно есть. «Связь с миром» поддерживается за счет детей, которые смогли переехать в те же Красноярск, Абакан, Минусинск, и навещают своих родных в Каратузском районе.

В Каратузе есть одна единственная гостиница. Участники экспедиции разместились в гостинице «Амыл», имеющая название реки, возле которой расположено село. Как правило, тут останавливаются люди во время командировок или каких-то определенных сезонных работ. Сразу после

³⁵ На обратном пути, мы остановились в Кошурниково для того что бы зайти в местную школу, в которой расположен музей. История разведки пути для прокладки железной дороги является центральной в общей истории, которую можно узнать в музее. Само село названо в честь одного из погибших изыскателей – Александра Михайловича Кошурникова.

заселения в гостиницу мы столкнулись с историей репрессии и национальной политики, которая нас изначально привлекла сюда. Сторож гостиницы, в которой мы разместились, оказался потомком депортированных корейцев. И это характерно. В этом же районе есть целая деревня (Верхний Суэтук, Каратузский район) опознаваема как эстонская деревня. Активизация национальной памяти видна и там, поскольку в ней открывают этномузей, который призван сохранить местную эстонскую культуру. Район становился новым местом жизни не только для депортированных поволжских немцев, но и других этнических групп. Это отражает национальное, в частности, и в целом социальное разнообразие района.

В экспедиционной команде работала Марина Викторовна Константинова, которая стала своего рода проводником в местное сообщество. Её родители работали долгое время в районной газете. Мать и сейчас продолжает писать для неё статьи. Перед началом экспедиции, в газете было объявление о том, что желающие поделится своей историей могут прийти в местный музей. На это объявление откликнулась только одна женщина, история которой была связана с раскулачиванием. Однако Марина Викторовна стала проводником в общении с местными учителями и районным архивом. К диалогу были привлечены местные школьники, которые интересуются подобной тематикой (в основном, для конкурса «Человек в истории России. XX век», организованного «Мемориалом»).

Примерно в 9 км от Каратуза село Сагайское или Сагайск. По официальной статистике в этом селе проживают 532 человека³⁶. Во время пребывания в поселке, который я обошла весь пешком в поисках необходимых мне адресов в течение двух дней, создалось впечатление меньшей численности населения. В официальной истории района, как и в истории Ирбейской район, говорится, что «Современная история села началась в 1827 г., когда был утвержден проект переселения около 6 тыс.

36 Численность населения Российской Федерации по муниципальным образования на 1 января 2016 г., Табл. 36 [Электронный ресурс] — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce

заклученных и штрафников»³⁷ из разных губерний Российской империи. Этот процесс переселения населения из западных территорий (включая добровольное) продолжался на протяжении всего XIX в.

История становления советской власти на этой территории развивается в отдельном сюжете. Так, подчеркивается, что Сагайск был одним из центров революционного движения на территории Енисейской губернии. И сторонникам советской власти, которые были расстреляны, установлен памятник. Этот памятник соседствует с другим памятным знаком в честь павших в военные 1941-1945 годы (Рисунок 1.). Сагайская общеобразовательная школа носит имя Героя Советского Союза Николая Васильевича Шишкина³⁸, уроженца села. В историю о великой отечественной войне включаются и дети депортированных немцев. Так, на юбилей победы в 2012 г. местный сельсовет организовал празднования, на котором награждал, в частности Курпас М.А. и Локтеву Т.Д., которые были депортированы из РНП вместе с родными. В это празднование они включены как дети войны (Рисунок 2). И обе они показывали во время интервью врученные им медали, хранившиеся ими несколько лет. Даже это показывает, что они обе принимают историю о великой победе, исключая репрессии в отношении кого-то.

Между селами Каратузского района ездит маршрутка несколько раз в день. Конечно, используется личный транспорт: в конце второго дня я задержалась в Сагайском дольше других³⁹, в итоге меня до Каратуза довез местный житель (по просьбе своей жены – главы Сагайского сельсовета). Кто-то из жителей Сагайского работает в Каратузе. Информанты рассказывали, что когда с транспортом было плохо – в военное и

³⁷ Село Сагайское // Энциклопедия Красноярского края [Электронный ресурс] : электрон. информационная платформа — URL: http://my.krskstate.ru/docs/villages/selo-sagayskoe/?sphrase_id=13193 (дата обращения: 06.05.2017).

³⁸ Шишкин Николай Васильевич // Энциклопедия Красноярского края [Электронный ресурс] : электрон. информационная платформа — URL: <http://my.krskstate.ru/docs/heros/shishkin-nikolay-vasilevich/> (дата обращения: 06.05.2017).

³⁹ Я попросила дать мне возможность самостоятельного брать интервью и мне ее дали. Как повелось еще в Енисейске, я предпочитаю ходить одна, пешком. С одной стороны, я узнаю местность, в том числе через общение с людьми на улице. С другой, для информанта, возможно, я выгляжу безвредной и он охотнее вступает в разговор с незнакомым человеком.

послевоенное время – приходилось ходить пешком. Даже в самую холодную погоду.

Чугунекова Л.Ф. одна из самых больших удач в ходе экспедиции. Она живет в поселке Черёмушки, в котором мы работали всего один день. Черемушки произвел впечатление маленького деревни, меньше чем Сагайск. И среди трех искомым информантов, двое оказались родственниками – мать и дочь. И как раз у первой провели более трех часов. Повествование официальной истории этой деревни мало чем отличается от истории Сагайска. Основан переселенцами из западных губерний в 1835 г. История советского периода начинается с 1920 г., когда в селе была организована коммунистическая ячейка. Война забрала жизни более ста человек, средняя общеобразовательная школа названа в честь Героя Советского Союза Г. В. Комарова⁴⁰.

Ещё одним населенным пунктом, в который я отправилась за информантами – это деревня Степановка (Ирбейский район). Расположена она в примерно 250 км от Красноярска. Добраться на автобусе можно с пересадкой в селе Ирбейское (или Ирбей). Но если в Ирбей из Красноярска автобусы ходят каждый день, то из Ирбея до Степановки можно добраться три раза в неделю утром и вечером.

Сначала казалось, что Степановка мало чем отличается от сел упомянутых выше. На сайте администрации Ирбейского района история этой территории начинается с информации о том, что с момента образования центральной деревни (Ирбей) в него «ссылали большое количество людей, находившиеся не в ладах с законом»⁴¹. В дальнейшем землю заселил приток переселенцев из центральной части Российской империи. Перед нами предстает образ свободной, не освоенной земли для ссылки и переселенцев.

⁴⁰ Село Черемушка // Энциклопедия Красноярского края [Электронный ресурс] : электрон. информационная платформа — URL: http://my.krskstate.ru/docs/villages/selo-cheryemushka/?sphrase_id=26855 (дата обращения: 06.05.2017).

⁴¹ История Ирбейского района // Официальный сайт Администрации Ирбейского района Красноярского края [Электронный ресурс]. — URL: <http://xn--90aiajhg2alm.xn--p1ai/index.php?id=45> (дата обращения: 06.05.2017).

С установлением в 1920 г. советской власти началась культурная просвещенческая работа и, начиная с 1938 года, функционирует Ирбей-Саянское отделение исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (до 1957г.). И снова район принимал поток ссыльных.

Усилиями местного учителя истории Степановской школы, Виктора Яковлевича Обермана, история депортации в эту деревню имеет определенное место в представлении об истории у местных жителей. Он сам потомком депортированных немцев Поволжья (Заручившись его поддержкой, я взяла еще два интервью – у мамы и дядя Виктора Яковлевича). Ведет активную краеведческую деятельность. Периодически со школьниками проводит походы в места, где располагались отделениям КрасЛАГа, ближайший из них «Амбарчик». Предметы, найденные на бывшем месте заключения, например, каналы, хранятся в небольшом школьном музее.

Оберман В.Я. способствовал тому, чтобы его дядя написал свои воспоминания, которые также используются в этой работе. Кроме этого в анализе задействованы автобиография и стихи Шнайдера В.К. *«Стихами начал заниматься в 45 лет (1979 - 2009) и занимаюсь 30 лет. Написал более 350. 200 стихов выучил наизусть. Распространил 35 экземпляров рукописно 22 в России и 13 в Германии»*⁴². Написанные им стихи в большинстве случаев содержат мотивы, касающиеся национальности автора, истории его семьи. Всего в сборнике 202 стихотворения.

Семья Шнайдера В.К. проживала в селе Гримм⁴³, которое было основано в 1767 году. В том же году приехал из Германии Георг Шнайдер, предок Шнайдера В.К. Все его «предки были крестьяне, верующие в Евангелие». Он родился в 1934 году. В октябре 1941 года вся семья была переселена в деревню Мариловцева Енисейского района Красноярского края. В 1943 году в возрасте девяти лет начал обучение в местной начальной

⁴² Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись] // Личный архив семьи Воль А. К. (г. Енисейск) – Л. 189

⁴³ Сегодня это посёлок Каменский Саратовской области.

школе, после окончания которой продолжил образование в г. Енисейске: семь классов и техникум. После окончания техникума в 1954 году был направлен в Норильск на горно-металлургический комбинат. После снятия комендатуры в 1957 г. поступил на вечернее отделение в один из университетов г. Красноярск, позже перевелся во Всесоюзный заочный политехнический институт (г. Москва). Во время учебы и после окончания работал по специальности инженера теплоэнергетических установок электрических станций и в административных должностях на Назаровской, Экибастузской и Красноярской ГРЭС. Имел восемь изобретений, был участником конференции энергетиков в ГДР.

В 1991 году сделал запрос на выезд в Германию и весной 1995 года вместе с матерью, детьми и внуками переехал в Ганновер. До отъезда и после Шнайдер В.К. писал стихотворения, из которых составил сборник «Полвека в ссылке» и переписал его рукописью еще 33 раза, что бы оставить на память своим родственникам и друзьям в России и Германии.. Так, данный сборник был показан семьёй Вольфа К.В., когда проходила экспедиция в г. Енисейск в 2013 г. Они хранят его, но знают о своём родственнике очень мало.

1.2 Основное повествование и повторяющиеся мотивы

Каждый информант в той или иной степени выстраивал нарратив о депортации немцев через истории их семей. Все информанты также обращались к самим себе во время рассказа, к своему опыту и знаниям. Перед тем как перейти к анализу тем в следующей главе, в этом параграфе рассматривается пересечение разных нарративов в рассказах информантов. У большинства информантов пересекались нарративы – о личном опыте, о семье и об обществе. Данный параграф анализирует основные черты нарративных структур. Но какое бы проявление не имели рассказы информантов, они всегда отражают их персональные представления. По словам А. Портелли, занимающийся устной историей, «автобиографический дискурс, берет ли нарратор на себя инициативу письма или просто отвечает

на вопросы интервьюера, всегда о конструировании и выражении субъективности нарратора. Игнорирование или исключение субъективности, как если бы она была только вредной помехой в чистых данных, в конечном итоге искажает и фальсифицирует характер самих данных»⁴⁴.

1.2.1 Источники нарративов: личный опыт, семья и общество

Во всех этих историях выделяются три главных источника для построения личной истории: семейные истории, которые отражают узкое окружение и опыт членов семьи, через которые воспринимается сейчас жизненный путь информанта; и более широкий аспект выраженный в существующем в обществе нарративе о депортации немцев, и в целом касающийся представлений о русских немцах. Эти аспекты проявляются в интервью и письменных воспоминаниях через таких посредников, как семейные и социальные истории или нарративы.

Далеко не каждый рассказ имел нарративную структуру, в которой были начало истории, основное повествование и заключительная мысль-конец. Например, таким безнарративным интервью является беседа с Вольфом А.К. Но даже непродуманная беседа интервьюера и информанта может раскрыть то, как воспоминания «живут», формируются и воспроизводятся. Разговору с Вольфом А.К. предшествовала беседа с его младшей сестрой. Она много сомневалась, что способна что-то рассказать и настаивала, что ее брат старше и, соответственно, помнит больше о депортации и жизни после нее, он и расскажет об этом все. Четыре человека интересовавшихся жизненной историей информанта, сам он и его дочь сидели за одним столом – разговаривали и рассматривали семейные фотографии Вольфов. Главный информант толком ничего не рассказывал, но его дочь старалась помочь, задавая наводящие вопросы: «Пап, а помнишь, ты

⁴⁴ «Autobiographical discourse, whether the narrator takes the initiative of writing or merely responds to an interviewer's question, is always about the construction and expression of one's subjectivity. To ignore and exorcise subjectivity, as if it were only a noxious interference in the pure data, is ultimately to distort and falsify the nature of the data themselves». См.: Portelli, Alessandro, *The Battle of Valle Giulia. Oral History and the Art of Dialogue*, University of Wisconsin Press, London.- 1997. – p. 79

нам рассказывал...»? Все сюжеты семейной истории, рассказанные тогда таким образом, не сходились в единый нарратив, однако, тем не менее, можно заметить что, часть индивидуальных воспоминаний отца стали воспоминаниями дочери. Получается, что истории Вольфа А.К., рассказанные им когда-то ранее, стали главным источником воспоминаний для младшей сестры и его дочери.

Были озвучены индивидуальные знания каждого, транслирующиеся в рамках семейной истории, и они же складывались в коллективные воспоминания одной семьи. Подобная картина повторялась часто, когда нужно было разговаривать пожилыми людьми. Они могли плохо слышать или, как они говорили, сейчас уже мало помнить. Эйснер Д.Ф. говорил, что его сестра знает больше, *«она тебе больше расскажет.<...> Вот к Е.Ф. зайди. Она все знает, она с ними [родителями] жила. <...> Она все знает. Ну, а мы-то... уж, забываю все. Она все знает. Женщины, они лучше знают»*.⁴⁵ В ходе самого разговора информантам могли помогать их дети, братья и сестры, супруги, которые знали многое из слов самого информанта, из ранних семейных разговоров и т.п. Так в разговоре Роот В.И., которая вышла замуж за депортированного немца в 1950-е гг., рассказывала о супруге сумбурно. Было сложно поддерживать беседу из-за слабого слуха информантки. По этой причине приходилось обращаться к тем, кто был рядом и мог помочь общению – дочь и ее супруг, взрослые внуки. Они все вместе рассказывали истории о том, как отцу-деду приходилось преодолевать тяжести военного времени в условиях депортации. Самое яркое воспоминание для них связано с датой его рождения. У Роот Д.И. были утеряны документы, и он не знал точной даты своего рождения, только предположительно, что это было 22 июня. Ему это не нравилось, т.к. 22 июня дата начала войны. После запроса новых документов, он увидел в них, что датой рождения обозначено 23 июня, что стало для него облегчением. В этом

⁴⁵ Интервью с Эйснером Д.Ф., 1956 г.р.

контексте возникают вопросы о том, каким образом формировались то, что рассказывали информанты? Почему человек рассказывает именно эту историю, а не другую? Какую роль коллективные воспоминания играют? Как они влияют на индивидуальную память и наоборот?

Часто такой травматический опыт как депортация становится частью жизненных историй тех, кто имел меньшее влияние травматического события или совсем не переживал его. Например, Курпас М.А. много говорила о своей матери, потому что других взрослых, кто бы был для нее авторитетом, рядом не было, и сама информантка была единственным ребенком: *«У меня была только мама. Папы у меня нету. Отец, он бросил всех. Ну, мама одна была со мной»*. События, которые происходили с матерью, отражались на представлениях Курпас М.А. Её мать *«...не умела она разговаривать, ну, и вообще почему-то пренебрегала, пренебрегала, ну, ты извини, конечно, она не любила русских»*, а все из-за случаев жестокого обращения с ними местного коменданта: *«Мама как раз мылась в избе, в бане, заходит русский... Как его называют? Ну как называют? Полицай что ли... Полицай или как, хрен его знает как. Меня это не интересует. И заходит и че-то дал ей команду какую-то и... А она говорит: «Нет, я нет». А он ей: «Говори по-русски!»*. *Хрясь её бичом. Вот. Я закричала, заплакала. Ну, вот когда вот так вот тычит кинешься на мать? [нрзб] И я на нее так, на шею кинулась и заплакала. Кинулась ей на шею. Он еще раз этим бичом. Ну вот такой... Такие вот... не знаю»*. Информантка здесь использовала рассказ о матери, чтобы объяснить дальнейшее её поведение. Мать пренебрегала русскими, потому что в прошлом пережила унижения от них. Она рассуждает о том, почему ее мать не выучила русский язык, приводя в пример данную ситуацию. Через конкретную историю видно отношение следующего поколения к личным, коллективным травмам, в числе которых депортация, которой подверглось предыдущее поколение. Дети обращаются в своих рассказах о депортации к тому, что они «помнят» из историй, созданных образов, поведения людей, среди которых они выросли. Процесс

передачи информации происходит на таком глубоком эмоциональном уровне, что на их основе создаются личные представления о прошлом и настоящем⁴⁶.

В словах Курпас М.А. раскрывается индивидуальный опыт и осмысление этого опыта в настоящем. Информантка окончила 8 классов школы в д. Верещагино (Карпатузский район, Красноярский край), после школы 26 лет отработала дояркой в колхозе (с. Сагайское). Но, несмотря на ее нахождение в русскоязычной среде, она, по ее словам, знала немецкий «от и до». Она пела немецкие песни во время интервью и переводила их содержание на русский. Для Курпас М.А. важно было подчеркнуть особое отношение к немецкому языку, который связан в ее представлениях с ее матерью, так и не выучившей русский язык. Т.е. эта история о школе здесь выполняет важную функцию: он показывает особое отношение матери к языку, которое повлияло на индивидуальные представления Курпас М.А., через что и выражается, в том числе её индивидуальность.

Если некоторые рассказы обусловлены индивидуальным или семейным опытом, историями, то другие сюжеты выполняют функцию вписания себя в общепринятый нарратив. Формирование такой этнической общности как советские (российские) немцы и их территориальной принадлежности к Поволжью принято отчитывать от манифестов Екатерины II «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу» (1762) и «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах» (1763). С этого момента население из западных стран, в их числе Германия, активно заселяли необжитые территории. Это историческое события является мифом-основанием этнической группы российских немцев или, если быть немного конкретнее, немцев Поволжья⁴⁷.

⁴⁶ Хирш М., Что такое постпамять / перевод статьи Марианны Хирш // Международный Мемориал: Проект «Уроки истории. XX век».- [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/node/53287>

⁴⁷ Данные выводы сделаны на основе двух документальных фильмов об истории немцев в России. Немцы России (1990) и Изгой. Драма без финала (1991). Оба фильма сняты под руководством Центральной студии

Точно такая же основа лежит в воспоминаниях, иногда припоминаниях, о том, по какому праву предки и, в конечном итоге, сам человек оказались в России. Такое содержание нарратива возникало и в устных интервью, в которых, на первый взгляд, была обозначена тема – депортация. Люди начинали искать причину их депортации. Они – немцы, но они русские немцы, и жили они на Волге – «русской реке-матушке»⁴⁸:

«Какие мы фашисты? А это ведать Екатерина I или Петр завезли эту [немецкую] культуру в Россию. И развалилась. Вот, была немецкая автономная республика. Вот на этом, в Саратовской области этой»⁴⁹.

Шнайдер В.К. в своих записях не раз упоминает об исторических фактах:

*«Когда-то, в давни времена,
При Катерине знаменитой,
Когда закончилась крестьянская война
В Россию двинулись мы свитой.*

<...>»

«Екатерина Великая царствовала в России 34 года. 1762-1796. Нас пригласила в 1763 г.»⁵⁰

Эти общие представления для немцев их истории присутствует в их воспоминаниях. В разных частях сборника его стихов можно найти описание исторических фактов, которые связаны друг с другом общим мифом об основании сообщества русских немцев. С помощью такой привязки депортированные немцы стремятся показать сильную связь с Россией и несправедливость их переселения с Поволжья.

документального фильма (ЦСДФ), но выполнены другими отпочковавшимися с 1990-х более мелкими студиями.

⁴⁸ Из самозаписи в ходе интервью с Винтер (Глейм) Ф.Г., 1931 г.р.

⁴⁹ Интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

⁵⁰ Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись]... – Л. 36

1.2.2 Основные нарративы и мотивы о депортации: столкновение пассивной позиции и активной роли во время депортации и после неё

Результаты дальнейшего анализа рассказов нельзя представлять без удержания в уме мысли о том, что приводимые выводы основываются на образе «коллективного» повествования и многоголосии. Каждый рассказ не похож на другой, в буквальном смысле, и, все они имеют иногда существенные противоречия в трактовке различных событий. Но достаточно ярко проявляются повторяющиеся тренды и мотивы, на которых сосредоточено внимание ниже.

Центральная проблема, на которую я обращаю внимание, это роль и положение рассказчиков или членов их семьи в их рассказах о депортации. Как они представляют себя в их семейном прошлом: как пассивных и подчеркнутых по отношению к кому-то (кому?), или как не подавленных и активных участников сообщества (какого?)?

Для многих депортация стала событием, которое разделило жизнь информантов и их семей на «до» и «после». Оно отделяет хорошую и стабильную жизнь в РНП. Рассказчики начинали с перечисления фактической информации, которая помогает охарактеризовать момент до начала переселения. Например, что родители Рехловой Ф.А. проживали в деревне Кук Саратовской области⁵¹ или, что осенью 1941 г. Чугуновой Л.Ф. было 10 лет и её семья проживали в деревне Екатерининталь Краснокутского района Саратовской области⁵². Такая информация с определенными временными и пространственными характеристиками становилась отправной точкой для последующего рассказа о депортации. Отталкиваясь от этого дальнейшее повествование связано с описанием того, как новость о депортации застала людей, и что им пришлось делать. В этом

⁵¹ Интервью с Рехловой Ф.Г., 1951 г.р.

⁵² Интервью с Чугуновой Л.Ф., 1929 г.р.

сюжете возникает мотив «24 часов»⁵³, который описывает ситуацию, когда немецкому населению РНП дали сжатые сроки (сутки) на сборы и подготовку необходимых вещей для переезда:

*Инф.: ...а когда война началась, у них [родители, бабушка и дедушка] все это забрали, скотину зарезали. Сказали: "Вот вам сутки, и чтобы вы собрались в дорогу и съехали". Ну что можно было за сутки сделать...*⁵⁴

Другой информант подчеркивает то же самое:

*Инф.: Всё там оставили, в Саратовской области. С собой взяли чё, как говорится, что можно было унести. <...> Ну, вот, она [мать] все время говорила, что там жили хорошо. И корова была, и все было. И всё же оставили, всё побросали. Там двадцать четыре часа на сборы и всё.*⁵⁵

В этих рассказах «24 часа» становятся объяснением бедственного положения депортированных после переселения. За такой короткий срок их семьи потеряли все, что имели. Через эту призму возникает убежденность в том, что до депортации в любом случае жили хорошо, хотя точных сведений уже нет, но в представлениях рассказчиков было всё, что нужно для хорошей жизни: дома, скот, хозяйство и т.п.:

*Инф.: Знаю, что оставили дом, оставили хозяйство там. В общем, что разрешили котомки эти взять с собой. Пастель помню, подушки были, перины, вот это все постельное. А так в основном ничего не было*⁵⁶.

Информантка перечислила вещи, которые, по её воспоминаниям, удалось взять («подушки были, перины, вот это все постельное»), но в итоге делает заключение, что «в основном ничего не было». Это противоречивое восприятие может быть связано с воспоминаниями о том, что было, какие

⁵³ Это общее место в рассказах о депортациях.

⁵⁴ Интервью с Овчинниковой А.Г., 1955 г.р.

⁵⁵ Интервью с Рехлова Ф.Г., 1951 г.р.

⁵⁶ Интервью с Берестовой А.К., 1938 г.р.

вещи взяли с собой и общим представлением о депортации как об акте подневольного характера.

Пассивный залог повествования в самом начале рассказа представляет рассказчиков как насильственно переселённых людей, не имеющих выбора действия и вынужденные отставить хорошую жизнь. Во всех рассказах присутствуют «они», которые всё «забрали», «зарезали», «сказали», «разрешили». Из этих фраз непонятно, кто скрывается за этим «они». В ходе разговора, некоторые информанты высказывались по поводу того, кто мог быть первопричиной этого выселения: *«Ну, а когда началась война, Сталин сказал, что [немцы] предадут. И поэтому, Калинин Михаил Иванович указ дал, что всех сослать в Сибирь»*⁵⁷.

Однако в восприятии и объяснении сюжета о «24 часов» встречаются рассказы иного характера:

*«Как раз это в сорок первом году. Пошли на линейку и там объявили, что началась война. [Поет песню «Двадцать второго июня, ровно в 4 часа...»]. Ну, и чё... Вышел приказ. Говорят [депортированные], что, дескать, мол, даже не дали собраться. Не правда это! Это вышел приказ 1 сентября у нас в деревне [с. Штрауб], а 17 сентября у мамы день рождения. Это забываемое число. Нас выселили. Так что, 17 дней давали. Даже, вот я говорю, у нас вот, здесь, вот, есть [немцы] вафельницу привезли от тудова. А если в у мамы не было никого: брат и я. Ему 14 лет, а мне 12 лет. За подол взялись и пошли, собрали и пошли. Куда... Вот и все. Кто-то...кто-то вафельницу привезли. Уж об остальном говорить не надо. Ну, это же так? <...> Ну, почему-то, дескать, мол, в газете у нас тут эта, в «Знамя труда» писали, что, дескать, мол, не дали даже собраться и всё осталось. Я говорю - не правда!»*⁵⁸.

Симонова Е.А. опровергает историю о том, что давали слишком мало времени на сборы. Её слова дают нам понять, что она слушала чужие

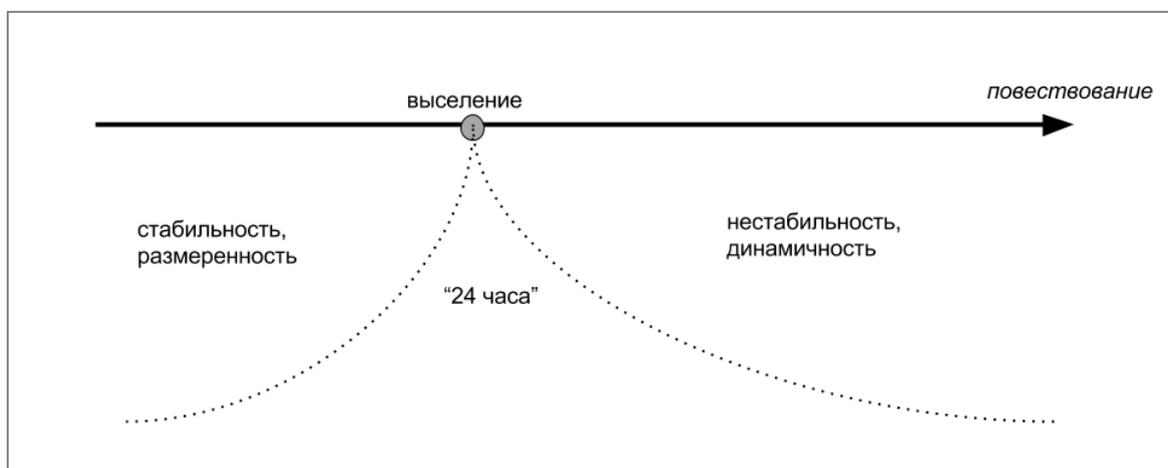
⁵⁷ Интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

⁵⁸ Интервью с Симановой Е.А., 1929 г.р.

истории, которые не совпадают с тем, как она помнит депортацию. Остаётся общим, что оставление дома в РНП связывается с материальным миром. Снова важны вещи, которые удалось или не удалось взять с собой. И именно по такому принципу оценивается правдивость или ложность историй, которые слышала или читала информантка. В её случае семья не могла взять с собой слишком много вещей и она приводит причины этого: *«А если в у мамы не было никого: брат и я. Ему 14 лет, а мне 12 лет. За подол взялись и пошли, собрали и пошли»*, а отец был ранее отправлен в трудармию во время раскулачивания. По её логике, они взяли то, что могли сами взять. Описываемые ей обстоятельства в меньшей степени связаны с пассивной ролью информантки и её семьи в период после издания приказа о депортации немцев.

Рассказы о времени после высылки связаны с дестабилизацией положения депортированных, которое вызывает у рассказчика два направления рассуждения. С одной стороны, продолжается история о гонениях, связанных с подчиненным положением в сообществе, в котором небольшая часть зависит от себя самого. С другой стороны, кто-то занимает активную позицию и начинает поиски другого основания для утерянной стабильности в жизни. При таком подходе многое зависит от самого человека. Другими словами, возникают две призмы самопрезентации: пассивность и активность.

Изображение 1. Обобщённая схема нарративов о депортации.

Больше информанты рассказывали о том, что было после депортации, нежели до и во время выселения. Чаще всего динамизм в рассказах прослеживается в тех пунктах, в которых приходилось останавливаться на какое-то время и о которых старались вспоминать информанты во время беседы. Особенно ярко выражена идея бесконечного переезда в рассказе Шустовой И.И. До депортации в Сибирь семья Шустовой И.И. проживала в г. Маркштатд. Мать – Элла Иогановна (1914 г.р.) была грамотной, владела и немецким, и русским языками. После учебы в Москве работала телеграфисткой. Отец – Иоган Иоганович (1911 г.р.) работал столяром-краносдеревщиком высшего разряда. Старшая сестра Ольга (1936 г.р.). Осенью 1941 г. как и других немцев Поволжья их депортировали из прежнего места жительства. Уже с самого начала рассказ Шустовой И.И. обозначает первый пункт движения: *«Как сестра говорит, нас сразу повезли в село Моторско... ой...»*. Моторское на самом деле оказалось Еловкой, что информантка уточнит позже. Но прежде, она даже попросила выключить диктофон, что может показывать, что ей было важно назвать все верными именами, особенно, если речь идет о тех местах, где пришлось жить какое-то время.

Еловка стала первым пунктом, в который «сгрузили» несколько немецких семей. После того как отцу пришла повестка в трудармию, он потребовал, чтобы его семью перевели в Каратуз. Каратуз был более оснащенным для жизни местом для бывшей горожанки-жены. Мать Шустовой И.И. с двумя маленькими дочками жили в разных домах: *«Ну, и потом Ольга [ст. сестра], когда приехала [в гости к И.И.], я говорю... Она говорит: “Пойдем по селу” – “Пойдем” – “Вот тут мы жили, тут”. Я говорю с чего. Я как думала, наверное, квартир 10 знала. А она, мы потом посчитали, а там 20 с лишним квартир. Ну, а что, там месяц, там. Как эти матались»*.

После возвращения отца в 1945 году семье выделили в Каратузе квартиру. В тот период времени в Алма-Ате жили братья бабушки (матери

отца), и постепенно семья Шустовой И.И. перебралась туда. Необозначенным остается то, уехала ли сама информантка в Алма-Ату: *«Там жили бабушкины и дедушкины братья и сестры. Ну, вот, они переманили бабушку - бабушка уехала, потом уже папу. Он ее сын был. Папу позвали, вот и **мы все** уехали в Алма-ату. Ну, а потом сестра с Алма-аты, у нее муж, этот... ой, в поезде он кто, кондуктор? Ну вот, он в поезде был. <...> Потом эти немцы уехали из Алма-Аты, потом стали из-за углов все эти казахи, уже стали заселяться в эти комнаты, и русским никак нигде работы не было. Ну вот, её дети, ну мои племянницы, они не могли нигде устроиться на работу, нигде не принимали, куда не пойдут. А у нас одна сестра жила в Германии».* Сначала Шустова И.И. указала, что переехали «мы все», т.е. вся семья, и она тоже. Но постепенно рассказчица из активной роли переключается в пассивную позицию наблюдателя со стороны. С этого момента в центре повествования сестра, которая уехала в Алма-Ату вместе с родителями. В ходе рассматривания фотографий, попала фотокарточка с родителями рассказчицы: *«Ну, вот в таком возрасте **они уехали** в Алма-Ату».* Это вызывает предположение, что сама информантка осталась жить в Каратузе и больше не сменяла место жительства, когда родители и старшая сестра с мужем уехали из Каратуза. А позже, в 1990-х сестра уехала вместе с дочерьми в Германию, куда их пригласила родственница. Шустова И.И. даже не пыталась поступить так же.

В этой истории говорится о том, как много переезжала семья Шустовой И.И.: Маркштатд – Еловка – Каратуз – Алма-Ата – Германия. Это основная линия повествования о депортации – многочисленные переезды, поиски жилья, поиски работы. Каждое новое место проживания наполнены своими историями, которые связаны с тем, как они – девочки учились в школе, как приходилось зарабатывать родителям (работа), трудности и люди, которые их окружали. Жизненный путь, история её семьи связана с постоянными переездами. Это подтверждает тот аспект, что сама информантка не уезжала по этому маршруту дальше Каратуза, она по настоящее время живет в этом

поселке. Но её рассказ повествует о том, что постоянно надо было переезжать, двигаться, не стоять на месте. Цепочку переездов она продолжила через рассказ о старшей сестре, которая долгое время жила в Алма-Ате, и, в конце концов, репатриировалась в Германию. Но и это не конец, потому что сама Шустова И.И. продолжала «двигаться», только уже в другом формате – она ездила в гости к своей сестре.

Другим примером подобной модели рассказа о депортации служит интервью с Чугунековой Л.Ф.⁵⁹, рассказ которой также демонстрирует передвижение с места на место:

Инф.: Ну, и привезли нас в город Красноярск, из Красноярска в город Канск мы лежали. Месяц. Там... <...> И... попали мы в город Канск, Дзержинский район, село Кондратьево. <...> Ну, жили-жили, год прожили, нас осенью в Красноярск на вокзал и на пароход, и по Енисею мы четверо суток плыли. <...> Вечером шёл уже снег – это осень была – снег шёл с дождем, мы выбросили трап там на голом месте, там 120 человек по списку – все на берег. <...> Там [пос. Денежкино] я так и выросла в этой... на Севере. Вышла замуж. Это мы... А, нам повезло, отца в [нрзб] на другой год на какой-то... <...> Ну, попали в Палое [Черемушки]. Моего отца туда... <...> Ну, вот мы и попали сюда. Нас направили. Подождите... Мы... Почему мы в Черемушки попали?... Нужен был бухгалтер. Отец по профессии, вот.

У Чугунековой Л.Ф. также наблюдается мотив передвижения, на основе которого строится нарратив о депортации ее семьи. Стоит обратить внимание на один момент. Когда информантке не исполнилось полных 18 лет, она вышла замуж, еще в Денежкино. Это есть некоторое заключение конкретного этапа жизни, связанного с детством, юностью и депортацией. Можно предположить, что замужество в случае с Чугунековой Л.Ф. работает как промежуточное звено между семейной историей о депортации и

⁵⁹ Отец – Гельгорн Ф.Ф. (1902 г.р.), мать – Гельгорн (Нильмаер) Л. К. (1907 г.р.). На момент депортации в семье было трое детей: старшая сестра, информант и двухмесячный младший брат. Семья жила в г. Екатерининталь (Краснокутский р-он, Саратовская обл.). Отец работал бухгалтером, заканчивал специальные курсы. Мать умела читать и писать. Родители хорошо говорили по-русски.

историей её самостоятельной семейной жизни. Это отдельная часть в рассказе посвящена мужу, который участвовал в войне. Её муж является проводником к возможности рассказывать о войне с точки зрения победителя, а не побежденного, репрессированного. Важны его личные военные заслуги и его семьи, ведь один брат погиб на войне, а второй вернулся инвалидом. В ходе беседы Чугунекова Л.Ф. обращается к наградам мужа:

*«Тогда на вояк внимания еще не было. И им никакой почести не было [короткая пауза]. Я, это, сейчас, хочу показать [идет в соседнюю комнату]. Вот, что от него осталось [достаёт из шкафа пиджак мужа с военными наградами]. Вот его костюм».*⁶⁰

Хранящийся в шкафу пиджак с наградами символизирует достижения мужа. Эти награды уже семейная реликвия⁶¹. Вместе, пиджак и награды, стали символом семейного вклада в дело войны, сопричастности к общей советской/русской истории. В тоже самое время, война уже не воспринимается как ужасная семейная история, повлекшая депортацию немцев, проживающих в Республике немцев Поволжья и других районов. Рассказчица даже ни разу не употребила самого слова «депортация». В ее истории была «эвакуация». История ее семьи начинается именно с этого: *«Это было в 1941 году, когда нас эвакуировали»*. Продолжая историю, она еще раз повторяет: *«...в 1941 году началась война Великая Отечественная, она началась 22 июня, и в эту же осень всю нем Поволжья эвакуировали»*. Развивая эту идею, информант упоминает про руководителя страны – про Сталина, и неким образом оправдывает его действия связанные с «эвакуацией», высказывая распространенное предположение, что если бы Сталин не поступил таким образом (не переселил людей), то Советский Союз в войне не выиграл бы.

⁶⁰ Интервью с Чугунековой Л.Ф. (1931 г.р.)

⁶¹ Под «семейной реликвией» можно понимать то, что способно «прояснить смысл их репрезентации хранителем как предъявление вещественных доказательств подлинности его происхождения, понимаемого как неотъемлемая часть личности». См.: Анна Соколова, Семейные реликвии и еврейская память // Антропологический форум, 2013, №19 . – С.7 – [электронный ресурс] – режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/sokolova.pdf> (28.12.2016)

Мотив оправдания присутствует в и других воспоминаниях. Например, в коротких письменных воспоминаниях эвакуированной немки из Ленинградской области, которая осталась жить в д. Тагора (Кежемский район, Красноярский край), Пиннер А.Я., в конце еще раз напоминает о том ужасе, который пришлось пережить ей во время бомбежек Ленинградской области и заключат: *«Потом стали помаленьку разрабатывать участки под огород и хоть очистки картофельные да садили. А ведь выросло что-то. Сибирская земля очень большая. И в лесу растет все необходимое для жизни человека только не ленись-трудись. А меня еще и климат (сосновый бор) окончательно вылечил»*⁶². Эвакуация в данном повествовании не только спасение от тех, военных действий, которые обрушились на жителей западных части СССР, но и мера, приведшая к исцелению, которое возможно было благодаря сибирской природе. Мотив возвеличивания природы Сибири отчетливо прослеживается и в интервью с Чугунековой Л.Ф.: *«Ну, а природа чудесная: рыба клевала там хоть на палочку, на веревочку лови. Рыба вся вкусная на Енисее – дорогая рыба. <...> ...брат все говорил: «Хорошо, что нас выгнали от туда [РНП], а-то и в калмыцких степях жили, мы хоть лес увидели».*

Тем не менее, в рассказах выделяются высказывания, связанные с трудностями обустройства жизни на новом месте. Этот повторяющийся сюжет можно обозначить как «голая кочка». Данное словосочетание часто употребляется самими информантами.

*«Вот, нас... вечером шел уже снег – это осень была, снег шел с дождем, мы выбросили трап там на голое место, там 120 человек по списку – все на берег. И пароход ушел, поднялись наверх, а там это, была избушка маленькая. Больше ничего не было»*⁶³.

«И вообще не одеть, а есть вообще собирали, что попало и шкурки ели-варили и ... ну, что приехали на голую кочку, одеть у

⁶² Архив НИЦ «Мемориал» (СПб). Из письменных воспоминаний Пиннер А.Я. (Красноярский край, Кежемский р-он, д. Тагора), 2009 г., Л.5.

⁶³ Из интервью с Чугунековой Л.Ф., 1928 г.р.

самых ничего нет, а у нас, у них хоть какая-то картошка была там что-то как-то, какой-то баранчик, какая-то курица, а у нас вообще ничего»⁶⁴.

*«Мама с папой говорит, мы приехали, здесь зима, холодно, хотя, они уже осенью приехали. Война-то началась летом, а они приехали как раз на зиму, осенью. **Ни жилья, ничего, и все что какие-то деньги у них были, кое-как что-то купили, чтобы зиму перезимовать»⁶⁵.***

Тем самым, люди осваивались на новом месте и осваивали это место. В отличие от информантов Кейт Браун, которые стали своего рода колонизаторами, депортированные немцы вспоминают о том, что по приезду в Сибирь им пришлось многому учиться у местных. Когда семья Чугунековой Л.Ф. оказалась на севере, на берегу Енисея, ей пришлось учиться строить дома, ловить рыбу и обрабатывать её, ловить зайцев, шить тёплую одежду. Или трудности, которые преодолевала мать Шустовой И.И., которая делала акцент на том, что мать была городской и деревенской жизни и не знала: *«Ну вот, она [хозяйка квартиры] и послала ее за дровами. А мама от куда знает, взяла саночки, взяла какую-то веревочку, а одежда легкая – че, снега-то были в те времена, да и вообще сейчас-то вон – ну и вот и пошла. Шла-шла, прутик сорвет. Че, она не знала какие уже дрова, че, ни топора – ничего. Она бы ей хоть рассказала, женщина та»⁶⁶.* Несмотря на то, что подобная ситуация была распространена в военное время – всем пришлось учиться чему-то новому для того, чтобы выжить, подобная мотивации руководит скорее индивидуальными действиями, нежели коллективными. Это вызывает сомнения в том, что сами информанты первоначально видели себя в качестве двигателей общей работы по развитию территорий.

В работах историков, посвященных системе спецпоселений Красноярского края, достаточно подробно (по возможности) освещаются

⁶⁴ Из интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

⁶⁵ Интервью с Овчинниковой А.Г., 1955 г.р.

⁶⁶ Интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

данные о численности депортированных разных категорий населения, в частности, поволжских немцев. Как правило, подобные подсчеты сделаны на основе отчетов различных государственных структур, отвечающих за отправку, прием и размещение депортированных. Е.Л. Зберовская приводит данные, что по «переписи 1939 г. накануне депортации на территории края проживало 3962 немца. Принудительное переселение поволжских немцев в начале Великой Отечественной войны привело к резкому увеличению их численности в Сибири, в том числе и в Красноярском крае. В сентябре – октябре 1941 г. из Поволжья в край прибыло свыше 75 тыс. чел»⁶⁷. «Фактически же прибыло на 1-е ноября 1941 года 17307 семей, в количестве 77359 человек, они были расселены в 42-х районах края»⁶⁸, которых на 1934 год было около 57. В тех же локализованных работах авторы стараются проследить закономерности использования труда депортированных в качестве «осваивателей» (колонизаторов) сибирских территорий. Например, рыбным промыслом на севере края, «осваивательский» характер которого связан реализацией Постановления ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» от 06.01.1942 г. «Трудовая мобилизация спецконтингентов, отправляемых на север, была четко спланирована и проходила по строго уставленному графику. С мая по июль 1942 г. на новом месте жительства оказалось 6312 чел. поволжских немцев. Среди вторично депортированных были также латыши, финны, греки. В итоге, по окончании навигации, на север переместили 23 тыс. чел. В результате осуществления вторичной депортации немцы попали в труднодоступные и малозаселенные северные районы, расширив, таким образом, географию размещения этноса в крае»⁶⁹.

⁶⁷ Зберовская Е.Л. Трудовые мобилизации немцев – спецпереселенцев в 1940-е гг. на территории Красноярского края // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы междунар. науч. конф., г. Красноярск, 13 – 16 октября 2004 г. – Отв. ред. В.А. Дятлова. – Красноярск, 2005. – С. 46 – 50

⁶⁸ Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.). – [электронный ресурс]. – режим доступа: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033

⁶⁹ Зберовская Е.Л. Трудовые мобилизации немцев – спецпереселенцев в 1940-е гг. на территории Красноярского края...

Стоит подчеркнуть, что, во-первых, депортация немцев из РНП была более массовая: большая численность населения подверглась депортации в очень сжатые сроки, нежели депортации в 1920-30-е гг. Это усугубляло различные трудности по размещению и адаптации. Во-вторых, концепция «народ-враг», возымело свое влияние на местное население, именно в условиях начавшейся с Германией войны. *«Ну, вот, а тогда, вы помните плакат? <...> Тогда были плакаты вот эти...немцы такие в касках и рога вот такие в каске [показывает]. И, вот, все равно думали, что немцы рогатые, что у них рога. Ну, вот, когда в деревне нас свалили всех тут это.. <...> И потом люди побежали смотреть, что говорилось рога или чё там»*⁷⁰. Население тех территорий, в которые были переселены немцы, было наполнено ожиданиями увидеть и начать бороться с реальным врагом.

В самом начале информантам было предложено ответить на вопрос «Как Вы оказались в Сибири?». И как можно увидеть выше, они рассказывали о депортации через определенную общую схему, в которой критическая точка отводиться самой депортации непосредственно. Всё, что было до депортации, оценивается информантами скорее как «хорошо» из-за определенной стабильности. Такая характеристика в целом и более детальные описания жизни дают представление о стабильном и независимом понимании жизни до депортации. Депортация заставляет людей по-другому рассматривать свою жизнь после переселения, которая связывается с освоением новых условий жизни, новых мест жизни.

История бывших мест депортации, в которых сегодня продолжают жить информанты, связана с активной переселенческой и репрессивной политикой, как советского правительства, так и царского. Такая особенность, как разнообразие населения о этническому признаку, подчеркивается не только в тех материалах, которые можно обозначить как официальные, т.к. представлены на сайтах администраций рассматриваемых двух районов, но и

⁷⁰ Интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

в рассказах самих информантов в различных воспоминаниях о друзьях, школе, работе и т.д.

То, что сегодня можно увидеть в селах Каратузского и Ирбейского районов также может подсказать нам то, почему информанты рассказывают о себе определенным образом. Это проявляется, например, в том, что их истории встраиваются в рассказы о Великой Отечественной войне. Не с точки зрения пострадавших от репрессий, как народа-врага, а с той позиции, что они пережили это ужасное событие и внесли свой вклад в Победу. Это можно увидеть в тех источниках, которые формируют такие рассказы о себе. Эти источники я увидела в семейных и публичных (или официальных) нарративах и в индивидуальном опыте информанта. Трудно отрицать, что эти условия и повествовательные основы могли повлиять на то, как информанты осмыслили себя через призму «немецкости», что я постараюсь рассмотреть далее.

Глава 2. «Немецкость» в рассказах о депортации

В данной главе основное внимание будет сфокусировано на том, что для человека означает «быть немцем», какими характеристиками он наделяет «немецкость» и с чем, какими сторонами жизни они связана. Эти вопросы могут показаться эссенциалистскими, т.к. подразумевают, что «немецкость» присуща самим информантам, и она для них важна. Но предупреждая подобные выводы об ограниченности такого подхода, необходимо сделать некоторые оговорки.

Нельзя уклониться от того факта, что внимание в этой работе сфокусировано на конкретной «воображаемой» группе – депортированные немцы Поволжья. Подразумевается, что это те, кто были депортированы непосредственно и кто родился в семье депортированных немцев в условиях спецпоселений. Во многом это обусловило тему дальнейших бесед с информантами. Сама тема – депортация – задает направление, в котором мыслили рассказчики. Информанты волей неволей могли задаваться этим вопросом – почему меня или мою семью переселили? – и самым очевидным ответом было – потому что они были немцами. По крайней мере, потому что, в графе паспорта о национальности было зафиксировано «немец». Другими словами, депортация немцев связана с представлением о том, что это был акт насильственного переселения по национальному признаку. И этот факт трудно обойти и приходится осмыслять.

Тем не менее, подобное ограничение в понимании объекта исследования не подразумевает, что человек может не приписывать себе характеристики «немецкости». Подспудно отвечая на вопросы о значениях и понимании «немецкости», в этой главе также ставится вопрос о том, а оценивает ли человек себя как «немца» исходя из его собственного понимания такового? Представляется, что это поможет избежать эссенциализма в отношении анализа материала и последующих выводов.

Центральными для этой главы являются следующие идеи. Во-первых, восприятие национальных характеристик немцев основывается, в первую

очередь, на семейном опыте. В случае с депортированными немцами и рассматриваемыми в работе интервью, семья играет важную роль в формировании представлений о своей национальной идентичности и осмыслении своей «немецкости». Семья в таком случае является референтом «немецкости». Получается, что семейные истории, реликвии, традиции и многое другое, что бытует в семейном пространстве, задают рамки, в которых воспринимается и наделяется определенными параметрами «немецкость». В то же самое время, как информант наделяет «немецкость» определенным набором характеристик, он, осознанно или нет, сопоставляет себя с этим набором. На основании этого можно предполагать о вариантах самоидентификации информантов.

Во-вторых, невзирая на то, «верит» ли человек в свою «немецкость» или нет, у него возникает возможность использовать маску «немецкости» для достижения индивидуальных задач. Особенно четко это просматривается в потребности присвоения себе правового статуса репрессированного и/или использовании этого статуса. В другом случае, «немецкость», если она подтверждена документально, была основой для репатриации в Германию. Когда депортированные немцы решали уехать из СССР или из России, они использовали похожую стратегию: необходимо было подтвердить и объяснить свою роль жертвы советских репрессий, их последующий статус в Германии зависел многих атрибутов⁷¹. Это явление можно назвать «игрой идентичностей»⁷². В качестве атрибутов «немецкой» идентичности будут рассмотрены персональные имена.

⁷¹ Зевелева О. И. Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии)

https://www.hse.ru/data/xf/2015/12/03/1080876108/1%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%97%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf

⁷² Представляется, что метафора игры идентичностей помогает объяснить, то, что подразумевается в этой работе. Идея взята из *Шейла Фицпатрик*, Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – М. – 2011. – С. 346. Возможно, более точным будет применение «идентификационные игры», о которых пишет Стивен Коткин. См.: *Стивен Коткин* «Говорить по-Большевистски». Американская Русистика: Вехи Историографии Последних Лет; Советский Период. Самара: Самарский Университет, 2001 - С.271

2.1 Семейное пространство – источник для понимания «немецкости»

В социологических исследованиях определенное внимание уделяется роли семьи в формировании этнической самоидентификации. Семья не просто сообщество, основанное на кровнородственных связях, под ней подразумевается пространство обмена семенным символическим капиталом⁷³. Ольга Бредникова, в одной из работ посвященных исследованию самоидентификации, задается вопросом о границах этнической группы питерских немцев. На основе анализа интервью, автор делает выводы о наличии двух референтов символических значений: семья и нация. Если референтом является нация, этнические коды характеризуют человеческую деятельность, как направленную на отождествление себя с национальной общностью и построение соответствующих связей. Если семья – то «этнические коды формируются на основе ретранслируемых семейных ценностей, ограниченных рамками одной семьи»⁷⁴.

Основываясь на рассказах информантов, в этой работе под семьей подразумевается гораздо более широкое сообщество, нежели сообщество, основанное исключительно на кровнородственных связях. «Семья» - это не только родители, бабушки и дедушки, их братья и сестры. Она может включать также и старые друзья, и новые друзья из числа немцев, с которыми депортированные оказались в одном и том же месте ссылки.

«Потом пошла к тётке Лизе Шиллер, ну думаю, она немка, я ж не знала, что она католичка или как эти...Лютеране. Я ж не знала, что это разное. Думаю, тётя Лиза - немка и я пошла к ней. Говорю: «Теть Лиза, ты меня не покрестишь?»»⁷⁵

⁷³ Бредникова О., «Вообще-то я русский... Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я чувствую, что я все-таки немец...» // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. Воронкова В., Освальд И. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. - С.106

⁷⁴ Там же. – С. 108

⁷⁵ Интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

Информант напрямую не называет тётю Лизу своей родственницей, это друг семьи. Но можно включить ее в «семью», если подразумевается, что семья транслятор этнической памяти. В свою очередь, информант обращается к ней как «тётя», что подчеркивает неформальный и близкий характер общения между ними. Эта близость была подчеркнута, когда информантка рассказывала о свадьбе своей дочери, а главным угощением были булочки, испеченные тётей Лизой. В тоже самое время, когда встал вопрос о том крещенная она или нет, она решила обратиться за помощью к тётю Лизе, потому что та была немкой, как и родители информантки, которые жили на тот момент в Алма-Ате. Т.е. в этой ситуации для Шустовой И.И. «тётя Лиза» является тем, кто разделяет с ней семейную и этническую память информантки.

Национальные нарративы, рассказанные информантами ограничены рамками такой «семьи». Объяснить это можно причиной разрушения автономии немцев, в связи с чем разорвались связи в рамках национального сообщества. Оставались маленькие островки - «семьи», которые становились оплотом памяти, которую, скорее всего, можно описать как этническую. Биография семьи, семейные истории являются основой для конструирования признаков идентичности⁷⁶.

Сохранению семейной истории способствуют сохранившиеся **материальные предметы** периода жизни до депортации: фотографии, религиозные книги, метрики. В ходе беседы некоторые вопросы касались непосредственно вещей - что удалось взять с собой, когда необходимо было быстро собраться и отправиться в неизвестные места? Ответы информантов содержал похожий набор предметов, в рамках которого могла быть различная вариация: еда, документы, деньги, перины, платки, библии или молитвенники. Дальнейшие истории повествуют о том, что после исчерпания съестных запасов, в расход шли деньги, когда кончались деньги, *«вещи какие*

⁷⁶ Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись] // Личный архив семьи Воль Александра Кондратьевича (г. Енисейск) – Л. 71-72

оттуда привезли, шали теплые, здесь продавали за картошку мерзлую»⁷⁷ - все то, что имело хоть какую-то ценность для тех, кто выменивал эти вещи. Оставшиеся в семье на настоящее время такие вещи становятся семейной реликвией. В большинстве случаев в качестве реликвий осталась религиозная литература. Со смертью родителей информантов подобные книги потеряли свое религиозное значение, но хранятся в качестве памяти о родителях.

Инф. - Вот, рукопись. Мамка писала.

Исс. - Это она переписывала песни или что?

Инф. - Песни, наверное. Че она переписывала...⁷⁸

В этой фразе идет речь про рукопись, созданную матерью Локтевой Т.Д. Она не знает немецкого, не справляет «немецкие» религиозные праздники. Хотя, её мать была той «бабушкой», которая была одним из центральных персонажей локального немецкого сообщества с. Сагайское. *«В основном они [взрослые] собирались у [матери Локтевой Т.Д.] <...> Она вообще этим всем занималась: книжки читала, Библию все это читала. И, вот, они по воскресеньям вот у неё собирались и она читала, вот, эти всякие молитвы по книжкам. И книжки у них были и песни пели немецкие. И, вот, они вот пели себе. И, вот, как сказать... <...> она даже крестила нас всех. Я у нее крещенная»⁷⁹. И у нее хранились Ксонбухи,⁸⁰ которыми она и другие пользовались во время молитвы. Эта фраза, как и слова Шустовой И.И. о тёте Лизе, которая воспринималась как немка: *«ну думаю, она немка, я ж не знала, что она католичка или как эти...Лютеране»*, показывает нам, что **конфессиональная принадлежность** сама по себе имеет небольшое значение для самоопределения информантов. Религиозный контекст помогает им определить один из признаков национальной группы, «немецкости». «Немецкие» песни, исходя из этого же контекста, это*

⁷⁷ Интервью с Овчинниковой А.Г., 1955 г.р.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Интервью с Исаковой М.А., 1953 г.р.

⁸⁰ Нем. Ksonbuch, что является производным от нем. Gesangbuch, книги содержащие Псалмы.

религиозные песни, но параметры религиозности играют меньшую роль при представлении о немецкости.

Если вернуться к словам Шустовой И.И. о «тёте Лизе», она также транслировала свое понимание немецкой, семейной религии. Для нее оказалось важным, чтобы она была, как и её родители. Поэтому, когда она ошибочно была крещена в католицизм, постаралась исправить это положение. «Она [мать] говорит: «А кто тебя крестил?» - Я говорю: «Тётя Лиза». – «Ира, ну что ж ты наделала? Тетя Лиза же другой веры». – «Как – говорю - другой? Она же немка». – «Ну и что. Тетя Лиза – католичка. А мы – говорит – лютеране». Она мне говорит, вот там, Блехер живет тетя Мария...»⁸¹, другая немка, которая исповедует лютеранство и может покреститься. В последующем рассказе о детях и внуках, для рассказчика было важно, что они все крещены. Но если себя она определяла, как немку, то их уже нет. Так, все дети и внуки крещены в православие. То есть особой разницы уже и не существует, религии смешались в общее представление о существовании Бога. В семейном кругу дети депортированных немцев только вспоминают об определенных традициях празднования религиозных праздников:

*Инф.: Мы вспоминаем. Мы уже не отмечаем праздники так, как старшее поколение. Мы-то вот вспоминаем, что это немецкая была традиция, католическое рождество или пасха. Так вот, это все равно вспоминается, в детстве же это все было.*⁸²

Почти во всех интервью был момент рассматривания и комментирования семейных **фотографий**. В конкретном случае Чугунековой Л.Ф. кто-то из членов семьи систематизировал «семейный архив», в котором хранятся фотографии, сделанные еще до депортации, религиозные книги, открытки, записи отца информантки Фотографии каталогизированы на

⁸¹ Интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

⁸² Интервью с Овчинниковой А. Г., 1955 г.р.

основании изображенных на них людях. В итоге получилось, что в отдельном подписанном конверте находятся фотографии конкретной семьи – родственников. Сами фотографии тоже подписаны: фамилия и имя изображенного/ых, год. Помимо этого, положено начало построения генеалогического древа, которое оформлено в отдельной книжке, сделанной вручную.

Вещи, которые всплывали в беседе с информантом, являлись «помощниками» при воспоминаниях (фотографии) или подтверждали какие-то рассказы. Во многих случаях, Библии и, например, свидетельства о рождении позволяли информантам размышлять о своем немецком происхождении, связанной с этим и их религиозной принадлежности. В результате чего появляется понимание, что немец-лютеранин или – не православный. Т.е. эти вещи позволяют конструировать этническую идентичность родителей, бабушек и дедушек, а в последствие размышлять о себе в рамках тех же категорий.

В связи с тем, что семья задает тон в создании себя, распространяется изучение семейной генеалогии. Таки образом, все достижения предыдущих поколений важны для того кто занимается поисками, а ищущему важно найти того самого предка, который заложил семейные основы. Наиболее отчетливо это проявляется в письменных воспоминаниях:

«Село Гримм основано в 1767 г. куда приехал в этом году мой предок Шнайдер Георг из Гессен – Целу Алсфелд»⁸³

Шнайдер В.К. показывает, что его прапра...дед приехал в Россию, на Волгу из Германии. С помощью своих глубоких поисков он демонстрирует, что его предок-основатель семьи – немец, следовательно, и он тоже немец. Не у всех есть информация о настолько далеких предках, переселившихся в Российскую империю в качестве колонистов. Таким же образом, с описания своих корней начинаются письменные воспоминания Бергман М.Г., немки, депортированной в Новосибирскую область. Она начинает свое

⁸³ Скорее всего, имеется в виду город Альсфельд в землях Гессен.

повествование со своих прадедов, как по отцовской линии, так и по материнской линии. В ходе своего повествования она не пишет прямо о том, что они немцы. Но этот факт становится очевидным, когда мы узнали, что ее предки приехали из Германии, жили в немецких колониях на Украине (немцы-колонисты обрабатывавшие землю и т.п.), что ее бабушка и отец были грамотными. Первая, «выписывала из Германии «Роман – газеты» несколько лет подряд и подшивала их»⁸⁴. И второй тоже «выписывал несколько газет и журналов. Он выписал из Германии книгу, в которой очень ясно описывались болезни и лечение их [животных]»⁸⁵. Из этого понятно, что бабушка и отец знали немецкий язык хорошо. Также, когда Бергман описывает какие-то события из своей жизни, например, работу в Новосибирской области, когда умер ее муж, она приписывала: «Осталась я на чужбине с двумя детьми»⁸⁶. Или даже, описывая жизнь на Украине (которая противопоставляется в нарративе чужбине), она противопоставляет немецкие колонии и русские деревни, показывая, какая у них разная жизнь. Повествуя о неурожае 1921-1922 годов и как следствие голоде, она сравнивает количество умерших в колониях и русских деревнях: «Русские деревни страшно голодали, умирали целыми деревнями, кто мог еще ходить — побирались по тем деревням и колониями, где люди жили еще немного лучше»⁸⁷, в то время как «всего из 16 колоний умерли эти три человека [Левен Петр, кузнец, и его дочь]»⁸⁸. Объясняется это тем, что немцы начали выменивать скот на муку у узбеков или, что их прокормили собственные огороды. Таким образом, Бергман М.Г., не называя прямо свою этничность, конструирует ее на семейных связях и противопоставлениях другими этническими группами. Так или иначе, семейная память играла большую роль для Шнайдера В.К. и Бергман М.Г. в формировании представлений об том, что значит быть немцем. Семейная память сконцентрирована на

⁸⁴ Бергман Маргарита Гергардовна (19.12.1904-05.06.2001) Воспоминания... – Л.4.

⁸⁵ Там же. – Л.5

⁸⁶ Там же. – Л.9

⁸⁷ Там же. – Л.13

⁸⁸ Там же. – Л.7

воспроизводстве семейных преданий, которые связаны с конкретными родственниками.

В устных интервью подробные описания дальних родственников не встречались. Скорее, проявлялась новая проблема – разграничения себя и своих родителей по степени «немецкости», что проявлялась в поколенческом аспекте.

В самом начале интервью обычно был озвучен вопрос - «Как *Вы/вы* оказались здесь [с Сибири]»? Данный вопрос может показаться расплывчатым – о чем рассказывать: о конкретном «Вы» или групповом «вы». В ходе своего рассказа информант мог выбирать «главного героя» - повествователя своего рассказа: он один, его семья или, может, народ. В каких-то рассказах информанты варьировали между двумя «регистрами». Приведу пример из интервью с Овчинниковой А.Г.⁸⁹: В одном конкретном случае, у информанта происходит двойное «переключение регистра»-кто такие «мы». С одной стороны, выстраивается дихотомия мы-немцы и они-русские:

*«Помню я как, даже вот маленькие **мы** [информант и ее сестры] были, идешь по улице, **русское население** (немецкого не было), и, значит, такое было, что пальцем показывали, "вон, идут **эти, немцы**, значит, с Поволжья или откуда там". Шепчутся, чего-то там обсуждают. Ну а **мы** же маленькие, мы все равно это все помнили, просто даже без слез не расскажешь такое, страшно было, очень страшно».*

*«Вроде бы и говорят, что никакого участия в войне, ни на кого **мы** [немцы] не напали, **мы** [информант и ее сестры] родились уже после войны, а ощущаешь это [обвинений в ВОВ] каждый день».*

В отношении этничности Овчинникова А.Г., сначала определяет себя как немца. И рассказ о социальном (этническом) конфликте между детьми из

⁸⁹ Интервью с Овчинниковой А. Г., 1955 г.р.

немецких семей и местных русских семей ложится в основу семейного нарратива о жизни в местах депортации и взаимодействии с местным населением.

С другой стороны, на первый план выходит поколенческий аспект внутри одной (условно немецкой!) семьи. «Мы» это, скорее, дети тех, кто пережил не депортацию, младшее поколение, а «они» – взрослые, которые являлись носителями немецких традиций. В следующих высказываниях того же информанта речь идет о немецких и русских блюдах, которые готовили или не готовили в семье информанта:

*«Вспоминаем эти блюда мамыны, она постоянно делала, штрудель, например. Но **мы** как-то не умеем. **Мы** пробовали, у нас так не получается. Вот старшая сестренка, она у меня как повариха, так она иногда делает такие блюда, но все равно у мамы было вкуснее и лучше. А у бабушки еще вкуснее. У **них** суп этот был, сладкий, с сухофруктами, с галушками, а галушки такие рассыпчатые, из чего-то делали их, я не знаю, вот во рту, возьмешь эту галушку, она рассыпается. А так она целиком в этом супу. "Холодный суп", назывался, "летний". Так вот **они** все время этот суп летом готовили, с сухофруктами».*

*«Чего еще **они** делали [разговор продолжается о кулинарии], что не русское... А потом, уже когда здесь пожили, то, что русские готовят, борщи да щи сами начали делать, потому что тут такие условия суровые, для супа этого, холодного, там-то жарко было, они и готовили. Чего **они** еще там делали... Да я даже и забывать стала. Были у **них** традиционные блюда, немецкие»⁹⁰.*

Рассказывая о семейных традициях, информантка сравнивает два поколения, старших (родители, дедушки и бабушки) и младших

⁹⁰ Из интервью с Овчинниковой А.Г., 1955 г.р.

(Овчинникова А.Г. и ее сестры) членов семьи. Возникает ситуация отсутствия культурной преемственности между двумя поколениями. Сменились условия жизни, родители адаптировались к ним («суровые условия» требовали новых навыков), в то время как дети изначально усвоили их. Но, возникает ощущение неодинаковости в этническом аспекте: «они» - более немцы, чем «мы». «Мы» не знаем «той», немецкой кухни, не знаем немецкого языка. Поэтому национальный нарратив остается как часть семейных воспоминаний и не выходит за рамки семейного пространства.

Инф.: Да, по воскресеньям они собирались, вот эти бабушки. По началу, как сказать... после 60-х годов они собирались чаще и как-то больше их было. А потом уже как-то у них стали, вот, их дети подрастать, время стало меняться и их стали, ну как объяснить-то... огорошивать, вот, че, вы там собираетесь, что сейчас уже этого уже давно нет, что щас уже время другое-советское и все это. И вот, все равно старые, вот, самые такие в годах, эти вот женщины... Мужчины не ходили. Что – нет, то – нет. А, вот, именно, что женщины. И они все равно по воскресеньям собирались.⁹¹

В этом рассказе также виден межпоколенческое недопонимание. «Они» – женщины в годах, которые продолжали справлять «свои» религиозные культы, петь песни и молиться вместе, а на противоположной, противопоставленной стороне – их дети, которые этого не понимают и не воспринимают, потому что «уже время другое-советское».

Процесс самоидентификации информантов мог формироваться под влиянием травматического опыта их родителей и на фоне конфликтных для них ситуаций в среде сверстников и т.п. М. Хирш призывает «учитывать разницу между вертикальными отношениями разных поколений одной семьи – ребёнка и родителя и горизонтальным взаимодействием в рамках одного поколения, где возможна свободная коммуникация между

⁹¹ Интервью с Исаковой М.А., 1953 г.р.

сверстниками»⁹². Как представляется, эту разницу и переплетение двух плоскостей социальных связей можно увидеть в отношении к **языку**.

«Между собой [родители] разговаривали по-немецки. Когда в школе стали дразнить, <...>, мы им сказали, ну, к нам же девчонки ходили, мальчишки ходили, играли, где-то там уроки учили что-то, <...>, и им сказали, когда к нам кто придет, вы не разговаривайте по-немецки. Они говорят, вы че совсем с ума что ли. Ну как совсем!? Дразнят все нас, а еще услышат, что вы говорите, и вообще будет... Правда - не стали говорить. Как кто-то придет, если надо там что-то ходят, ну, что... а приехали и говорили по-немецки. И вообще, они дома по-немецки, если мы не умели. Мы ж не умели. Ну, там кое-какие слова: чашка, ложка, вот это домашнее в обиходе, там вода, соль там, что-т вот такое, а чтоб че-то...»⁹³

Для немцев, попавших в спецпоселения в Красноярский край, немецкий язык нельзя назвать средством коммуникации в полном смысле слова. На немецком общалось старшее поколение, т.к. это для них немецкий был родной язык, но это общение было ограничено рамками бытовой жизни.

«Ну, Ольга, она как-то... ну, она и переводила тексты в школе. А я вот в школе учусь, немецкий же учили. <...> Так вот, меня по-немецки спросят, а я встану и молчу. Не знаешь – «два». Ну, получаю, а сама знаю. Урок-то знаю – можно было тройку-то получить. Ольга потом узнала, учительница ей сказала: «Оля, ну ты хоть сестру-то подтяни, скоро конец четверти, а у нее одни «двойки» - «Как одни двойки?». Она мне как начала: «Ты че, сдурела что ли»? Я говорю: «Мне стыдно» - «А че стыдного? Это же урок, чего тебе стыдного?»⁹⁴

Этот короткий рассказ о языке также показывает причины подобного поведения – «мне стыдно». «Немецкость» ассоциировалась с фашизмом,

⁹² Хирш М., Что такое постпамять / перевод статьи Марианны Хирш // Международный Мемориал: Проект «Уроки истории. XX век».- [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/node/53287>; Подробнее см.: Marianne Hirsch, The Generation of Postmemory // Poetics Today 29:1, 2008, P.114-115

⁹³ Интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

⁹⁴ Там же.

войной, поэтому дети и взрослые старались избавиться от подобной ассоциации, которая могла привести к последствиям подобным депортации. Эти представления имели аффективное влияние на информантку, в результате которого ей было стыдно использовать немецкую речь, или сами родители запрещали своим детям разговаривать и даже знать немецкий язык. Подобная стратегия поведения должна была позволить сгладить разницу между немецким населением и местным русскоязычным. Похожее отношение к языку было и со стороны самих родителей в отношении своих детей:

«Язык мы [информант, ее сестры и брат] вообще не знали. Мама с папой, вот, дедушка с бабушкой еще разговаривали на немецком. Потому, что мы боялись, мы же приехали к русским. Мама говорит: «Лучше вы не учите этот язык, на нас, вон, пальцем показывают, а с вами будет еще хуже»⁹⁵.

На примерах религиозных представлений, языка, семейных реликвиях можно увидеть то, что семейная память становится основой для возведения этнической идентичности, которая ограничена рамкам самой «семьи». «Такая “немецкая” семья имеет вертикальную структуру, вектор которой уходит в прошлое»⁹⁶. «Немецкость» не становится для разказчиков коллективной идентичностью, т.к. она не становится основой для создания социальной сети, образы немецкой жизни не воспроизводятся в приватной сфере. То есть такая этническая идентичность существует только как семейный символический капитал, который используется, например, когда человек рассказывает историю семьи (т.е. о прошлом) или о депортации, которая так же была в прошлом, но она и имеет правовые последствия (реабилитация) в настоящем. Люди «используют» свои корни и «надевают» немецкую идентичность, когда ситуация проблематизирует для них вопрос этничности. Но эта тенденция не является повсеместной. Она характерна, в большей

⁹⁵ Интервью с Овчинниковой А.Г., 1955 г.р.

⁹⁶ Бердникова О., «Вообще-то я русский... Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я чувствую, что я все-таки немец...» - С.109.

степени для тех, кто продолжает жить в Красноярском крае, куда их семьи сослали в 1941 г.

2.2 Персональные имена и самоидентификация – игра идентичностей?

«“Ты знаешь, что, Лена, я тебе скажу”... Ну, она [мать] Эля вообще-то, Элла, ну, нас всех по-переделали, вот стала Лена. Ну, она Иогановна, а Ивановна. Папа тоже Иоган Иоганович, а стал Иван Иванович. Вот эти Генрховны стали Андреевными. Вот почему-то, по-видимому, не знали этого, делали как, как лучше, что выдали, по тем документам и жили, живем»⁹⁷.

Шустова И.И. рассказывала о случае, который произошёл с её мамой, когда та жила в Каратузе, а она и её старшая сестра были пристроены в детский сад. Отец был в трудармии, а мать работала на войлочном производстве в ночные смены. Из-за рабочего расписания мать оставляла своих дочерей в детском саду, в одном из зданий которого жила смотрительница, дворник, кухарка в одном лице, тётя Женя. Рассказ прерывается комментарием об имени матери. В этих словах заключается обычная история о том, что приезжие немцы могли сами называть себя или их начинали называть русскоязычными именами. Так у людей появилось два имени – две идентичности. В условиях депортации в Каратузском районе (Красноярский край) сама Шустова И.И. имела два имени: немецкое Ираида (или Ирма) и русское Ирина. Ирина для нее более привычное, так написано во всех документах, им к ней обращаются соседи. Но, что для неё означает первое – Ираида, которым её нарекли родители еще в Республике немцев Поволжья?

Имя играет важную идентификационную роль в обществе. С помощью него окружающие способны считывать определенную информацию о конкретном человеке. Можно было бы заключить это в перефразированном

⁹⁷ Интервью с Шустовой И.И., 1938 г.р.

высказывании «Назови мне свое имя, и я скажу кто ты». Я часто слышала рассказы от сестер моей бабушки, что ей не нравилось её имя – Фрида. И она даже как-то выговаривала прабабушке, зачем та дала ей такое имя, назвала бы «нормальным», как и остальных. У остальных – сестер и братьев – были распространенные в русскоязычной среде имена: Василий, Анна, Ольга, Андрей. Возможно, для бабушки такая ситуация заставляла задаваться вопросом о своей идентичности и социальном образе в рамках определенных жизненных обстоятельств. Эта персональная проблема отражает проблему идентичности с точки зрения этнической принадлежности – нежелание выделяться как немка, а желание быть как все, т.е. быть «русским», чтобы индивидуальное примирилось с коллективным.

Это могло объясняться самими информантами тем, что так было легче общаться с местными, все говорили на одном языке, на русском. Другое объяснение связано с тем, что сами немцы придерживались своих «новых» имен, чтобы не подчеркивать свое немецкое происхождение. Военные потрясения отмечены межнациональной и социальной напряженностью. В таких условиях немцы испытывали большие трудности. Использование нового – русского⁹⁸ – имени представляет собой радикальную реакцию на социальное давление. Они хотели походить на русских в той среде, где для многих немец это значит фашист. Депортированные немцы часто стремились отмежеваться от своей немецкости, и они запрещали своим детям учить немецкий язык, потому что немецкая речь могла служить реальным и воображаемым символом их этнического происхождения. Они же становились членами партии.

⁹⁸ В 1930-е гг. начинается реабилитация русской нации, как нации, которая первоначально ассоциировалась с колонизаторами, царизмом. Теперь возникает идея «дружбы народов», в которой русским отводится роль «первым среди равных». Русская культура – это та культура, на базе которой возникла революционная идея и т.п. На этой основе русский язык и т.п. становились базой для взаимодействия различных этнических групп между собой. По этой же причине немцы приобретали русские эквиваленты своих немецких имен. См.: *Терри Мартин*, Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. – М. – 2001. Работа David Brandenberger, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002) в большей степени дает представление о политике русификации, активно проводившейся с началом войны 1941-1945 гг., как фактор мобилизации населения.

Инф.: Мы на заимке жили. Это, она [бабушка] нас учила [немецкому]... Отец, отец же партийным был. Он же это... А она по-немецки все, она немка была. [нрзб.] И вот нас хотела научить немь... немецкому. А отец как... Он так ее [нрзб.] ...партия, знаешь, как в было раньше-то... Коммунисты.

Я: А он в партии был?

Инф.: Коммунист. Коммунист. Коммунист был. ... Коммунист, старый коммунист. И она нас хотела научить. <...>

Я: А он говорил, почему не хотел, чтоб она учила Вас немецкому?

Инф.: Так коммунисты. Знаешь, как раньше все было? Ты что... Ты что... Так, знаешь, как оно было...

Инф.2: Не хотел, чтобы они знали. А сам любил, песни пел на немецком.

Инф.: Я говорил, что бабка все хотела научить нас. Я маленький был, жили мы вон там, там поля, там и дома были. За огородами. Бабка хотела научить, он - ни-ни-ни. Она так и уехала в Ташкент. К тётке Кате.

Подобная стратегия забывания немецкости еще одно свидетельство того, что немцы старались встроиться в новые социальные условия⁹⁹. Это пример реакции людей на сложившиеся обстоятельства, возникновение идеи «народ-враг», о которой пишут многие исследователи. Немцев это касается особенно, в условиях войны с Германией, с которой у РНП были тесные интеллектуальные связи. Тем не менее, депортации могут рассматриваться и в рамках предложенной автором идеи о двойной ассимиляции¹⁰⁰. Под этим подразумевается формирование национального тождества в конкретных этнических сообществах, а затем формирование на основе этих

⁹⁹ Идея о влиянии социального порядка на индивидуальную практику использования персональных имен почерпнута в работе Avrutin, Eugene, *Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia* London: Cornell University Press, 2010. - 216 p. Совсем в другом контексте автор рассматривает положение евреев в Российском имперском поле. Пятая глава посвящена как раз практикам использования евреями своих имен и политике государственной идентификации евреев через персональные имена.

¹⁰⁰ Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. (Culture and Society after Socialism.)* Ithaca: Cornell University Press. 2005.- P.146

национальных сообществ советского сообщества через чувство советского тождества. Так, двойная ассимиляция характеризует советский проект – интеграцию всего социального (в первую очередь, этнического) разнообразия в единое советское целое.

Двойственным свое положение представлялось и тем, кто родился в Сибири спустя десять лет после депортации:

***Инф.:** Он [отец] был по-русски Андрей, а по-немецки Генрих. Вот нам отчество-то дали родители как. Папа здесь Андреем везде писался. Андрей, Андрей, а в паспорте - Генрих. А ему сильно хотелось, чтобы, вот мне [отцу] нравится больше Генрих, ну, маленькие мы были, они нас записали в свидетельстве о рождении, ну и мама говорит, нам захотелось, чтобы вы были Генриховны. Ну, говорю, вы еще раз нас, вроде как, отчество или Андреевна было бы, как вроде русское, а Генриховны - это, значит, сразу видно, что это немецкая национальность.*

В последней фразе четко обозначено, что считается информанткой немецким, а что русским. Быть Андреевной значит быть русской, быть Генриховной – немкой. Далее идет суждение, в котором раскрывается решение конфликта двух имен и двух идентичностей:

***Инф.:** Ну, а мы чего, мы привыкли теперь, Генриховны и Генриховны. А у нас Андрей, сын у них [у родителей], тоже брат мой, тоже Андрей, записали Андреем, а отчество Генрихович. Папа тоже был Андрей, здесь и на работе, "Андрей, Андрей", а в паспорте "Генрих" написано. Раз он в паспорте "Генрих" был написан, то нас и регистрировали как Генриховы.¹⁰¹*

Что может означать «привыкли» быть Генриховичами? Это означает, что в том сообществе, в котором живет Овчинникова А.Г. и её брат и сестры,

¹⁰¹ Интервью с Овчинниковой А.Г., 1955 г.р.

они привыкли иметь в его рамках не типичное имя. В предыдущей части затрагивается история Овчинниковой А.Г. о попытке родителей вместе с детьми, которые родились в 1950-1960е гг. в Каратузе, переехать на родину родителей – уже Саратовскую область. Она четко определяла, что Саратовская область (РНП) родина родителей, в то время как её (их) родина – Сибирь. Для неё (них) более приемлемым были имена русскоязычные, т.к. в Каратузе её (их) окружают люди с русскими именами. В таких условиях, несмотря на то, что человек имел немецкое имя, в семье распространялось использование русских эквивалентов. Дети могли не помнить немецкого имени своих родителей, потому что для детей это, своего рода, не естественная информация о родителях.

Я: А папу у Вас как полностью звали?

Инф.: Егор Петрович. <...> Да, Вебер Егор Петрович.

Я: Но, Егор это уже русифицированное, да? Потому что Генрих...

Инф.: А, вот, правильно ты говоришь. Он был не Егор, а...

Гео...Георг или Генрих...Вот как ты щас сказала?

Я: Георг?

Инф.: Нет, не Георг.

Я: Генрих?

Инф.: Генрих...Генрих, наверное. Генрих, наверное. <...>¹⁰²

Использование двух имен приводило к путанице не только членов семьи, но и создавало неоднозначные ситуации в рамках официальных практик. Те, кто уже имел документы, в последствие получили документы с новым именем. Или в паспорте и трудовой книжке записаны разные имена:

Инф.: <...> Еще когда, по документам так папа числился, Егор это так его вот это... Помню, на книжке были деньги у мамы с папой... а папа у нас сильно заболел когда, почтальониша звонит и говорит:

¹⁰² Интервью с Рехловой Ф.Г., 1951 г.р.

«Кондратьевна, ты деньги сними, у тебя тут же написано “Егор”», говорит, если он померет, то, говорит, по документам ниче не получится. Мама снимала. Это я хорошо помню. Имя другое было. А мама как она была Мария, так она и есть¹⁰³.

Разнородность в прописывании имен в документах была распространенным явлением, другая информанта говорит о том же:

Инф.: *А тут Роза написано. Видишь, мне давали-то? <...>Розой называли. А потом паспорт получила... В трудовой, вот, везде вот так вот было написано [Роза]. Вот, Локтевой Розе Давыдовне, видишь? А везде [паспорт, трудовая книжка], я это, Тереза. Вот как-то мы паспорт получали...Мы же паспорт-то не получили. У нас... просто, бумага. Куда ездили, просто давали бумагу, что мы действительно такие, вот, есть. Ну, а паспорт-то, в каком году начинали мне паспорт-то давать? <...>И в трудовой, вот, меня и отметили, что я, действительно, Тереза. Я как просила их, я говорю: «Ну и запишите меня Розой и все». Раз уж звали, все знают. Нет, нельзя. Вот, видишь?¹⁰⁴*

Внимание информантов к документам может быть следствием общей практики государственной идентификации. Паспорт на протяжении долгого периода фиксировал национальную принадлежность граждан. По Ф. Хирш наряду с картами, музеями и переписью, паспорт является «культурной технологией управления» (Cultural technologies of rule). В паспортах СССР указывалась национальность граждан, не зависящая от мнения самих граждан¹⁰⁵. Это позволяло «разоблачать» представителей национальных диаспор в пограничных районах Советского Союза, которые могли врать о

¹⁰³ Интервью с Локтевой Т.Д., 1929 г.р.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ «If a person's parents belonged to two different nationalities and one “belonged to a foreign state,” the registrar was to write the nationality of both parents in the passport: “Father Polish, Mother Russian” or “Father Belorussian, Mother German,” for example. Even Poles and Germans who had lived in Russia for generations were designated as people who “belonged to” a foreign state; it made no difference that the Germans had their own autonomous national republic (the Volga German ASSR) within Soviet borders». См.: *Francine Hirsch, Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. (Culture and Society after Socialism.)* Ithaca: Cornell University Press. 2005. - pp. 294-295

своей национальной принадлежности. Обращение на подобные аспекты ценны, когда мы пытаемся понять, почему, а точнее на основании чего происходила депортация немцев – записей в паспорте.

Внимание информантов на данный пункт в паспорте также присутствует в их рассказах. С того момента, как появилась возможность самостоятельно выбирать свою национальную принадлежность, дети депортированных немцев пользовались этой возможностью. *«Старшая сестра как паспорт получила, сразу написала... А раньше же писали национальность. Она написала «русская». Сейчас не пишется, а так-то это...»*¹⁰⁶. При этом их выбор зависел от социального окружения, потому что к немцам было плохое отношение.

Интересным материалом в рамках данной темы, являются метрики (свидетельства о рождении). После переезда в Сибирь у представителей немецких семей появились русские новые документы или, если они были детьми, они получали документы с русскими эквивалентами своих имен. Рассматривая свидетельство о рождении информантка как бы припоминала:

Инф.: Фамилия наша Пауль была. Вот видите, Ирма Ио...Иогановна?

Я: Иогановна.

Инф.: Вот была Ирмой. Теперь.. А вот родители есть, да... Пауль...Да.

Я: Иоган Иоганович.

Инф.: Иоган Иоганович. Пауль Элла, да?

Я: Угу.

*Инф.: Иогановна. А сейчас мама Ивановна, папа-Иванович. Ну, мама...Элла, имя ее осталось - Элла.*¹⁰⁷

Из этого отрывка следует, что Шустова И.И. не обращается к своему немецкому имени, даже «забыла» его, как и первоначальные имена своих родителей. Она осталась в с. Каратузское, в которое попала после депортации

¹⁰⁶ Интервью с Майснер М.А., 1954 г.р.

¹⁰⁷ Интервью с Шустовой И. И., 1938 г.р.

с родителями. Там она вышла замуж за русского, они обзавелись хозяйством, дети и внуки по ее настоянию крещены в православие. Шустова И.И. показывала фотографии, на которых она одета в русский костюм в окружении других так же одетых женщин – местный хор, в деятельности которого она часто принимает участие. Она примирилась с окружающей средой, по её имени нельзя определить, что она дочь советских немцев. Немцы стремились соответствовать своей среде. Поэтому многие не противились тому, чтобы их не называли Фридрихом как в документах, а Фёдором.

В то же самое время перестройка и распад СССР спровоцировали ситуацию, когда многие немцы стали уезжать в Германию, потому что это стало возможным. Уезжали по разным причинам. Кто-то уезжал на свою «настоящую» родину, чего ждал долгие годы: *«Молитвы дошли через 50 лет. И мы оказались дома, в Германии»*, потому что *«Германия для нас [немцев] лучше»*¹⁰⁸. Для других, как для сестры информантки это стало возможностью жить благополучнее, чем в России или Казахстане.

Я: А сестра, которая у вас в Германию уехала, она не меняла, то, что она Иогановна?

*Инф.: Нет, она знает, она, у нее ... она была Федосеева, а когда в Германию уехала, стала Пауль. Ей там выгодней, она сама там живет. И еще. В Германии короткие фамилии у немцев: дети Федосеевы, Елена и Лариса, а теперь они там Федос. Коротко, убрали эти хвосты, Федос. Зачем? Че? ну так*¹⁰⁹.

На этом примере можно увидеть стратегию смены имен, которая подразумевается, как способ называться более социально приемлемым в немецкоязычной среде именем. Поиски благополучия через связь с депортированными немцами были и среди тех, кто оставался в местах депортации. Это было связано с возможностью улучшения материального

¹⁰⁸ Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись] ... – Л. 3-4

¹⁰⁹ Интервью с Шустовой И. И., 1938 г.р.

положения за счет получения денежных выплат, как репрессированным. Для этих целей также изменялось отчество, чтобы подтвердить родство с депортированными.

Я: А вот Вы говорите Фёдор, да, обращались?

Инф.: А это было русское. Тогда же по-русски. Так-то Фридрих Фридрихович. А по-русски всегда называли его Федором. У него даже... Вот везде его писали, в колхозе – Фёдор Андреевич. [Смеется] <...> Вроде, как бы так и надо. А по документам шёл Фридрих Генрихович. И как в Совете мы родились все – все писались Федоровы. Вот, один, Данил [младший брат., про которого Вы говорите, он один у нас был Фридрихович.

Я: А сейчас вот Вы по паспорту тоже Федоровна?

Инф.: Нет. А потом уже прошло порядочно времени, я уже и замужем была. Мне пришлось поменять. Потому что ближе уже к пенсии была, хоть какие-то льготы дадут. Ну и так-то хотелось бы, что бы я была репрессирована. К этому делу... Но вот, правда, у нас брат один и сестра была – не стали. А остальные все-все переделали.

Я.: Т.е. вы подавали потом документы на реабилитацию?

Инф.: Да, да¹¹⁰.

Что в данном случае означает быть «Фридриховной»? Быть немкой, дочерью немцев? Ш. Фицпатрик сравнивает 1917 и 1991гг., как периоды имеющие ключевые события для трех разных сообществ: имперского, советского и современного российского. Можно проследить любопытное «сходство поведенческих и психологических реакция со стороны отдельных граждан»¹¹¹. Обе даты являются переходным моментом от чего-то старого к чему-то новому, разрушению прежних идей и формированию тех, которыми их заменят. В этом отношении 1941 г. для немцев стал таким же переходным

¹¹⁰ Интервью с Голубковой Е.Ф., 1952 г.р.

¹¹¹ Шейла Фицпатрик, Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – М., 2011. – С. 346

моментом. Им пришлось перевоплощаться после депортации из немцев в русских или исключительно советских граждан. Когда началась перестройка, стало возможным говорить и вспоминать о своих немецких корнях. Стали появляться письменные воспоминания депортированных немцев. Можно было вспомнить себя-немца. Как правило, такие люди покидали место депортации: старались уехать туда, где родились (т.е. бывшая АССРНП) или уезжали в Германию. Те же, кто остался в местах депортации в Красноярском крае (думается, что это явление более распространенное), вспоминают свою «немецкость», но эта идентичность исключает национальный параметр как основной. «Государство, как и его граждане, тоже решало проблему установления новой идентичности и/или возрождения старой»¹¹². Как в случае с Голубковой Е.Ф., чьи слова приведены выше, немецкость заключенная в имени отца, подразумевает определенный правовой статус репрессированного. Использование этой идентичности позволяет получить некоторые выгоды, выраженные в льготах.

¹¹² Шейла Фицпатрик, Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – М., 2011. – С. С.357

Глава 3. Путь от «Немецкости» и «советскости»

В предыдущей главе, посвященной восприятию своей национальной идентичности в воспоминаниях депортированных немцев, дано представление о том, что сегодня «немецкость» не всегда определяет их представления о самих себе. Нередко использование «немецкости» становится способом реализации интересов в рамках современного правового поля для получения статуса реабилитированного или возможность переехать в Германию. В то время как рассказчики рассказывают об истории своих «немецких» семей, в их словах проявляются другие стороны их идентичности. В приведенных словах одной из информанток, которая описывая поведение старшего поколения, собиравшегося по воскресеньям для молитв, про 1960-е гг. сказано, что тогда было *«уже время другое-советское»*. Как следует из её слов, дети с некоторой долей осуждения смотрели на действия своих религиозных родителей. Верующие встречали сопротивление их сборам со стороны, видимо, властей: *«И-то приезжали их [старушек] гоняли, что они богу молятся. <...> Они соберутся и песни пели немецкие, а их гоняли. Приходили и гоняли их»*¹¹³. Выхолащивание религиозности у населения как таковой не вызывало сопротивления у детей депортированных немцев, несмотря на то, что сама «немецкость» в их представлении её подразумевала. Это ещё раз подчеркивает поколенческий разрыв в понимании «немецкости», но и ставит новый вопрос о советской идентичности, осмыслении советского прошлого.

Данная работа сфокусирована на аспектах осмысления феноменов своей этнической идентичности у депортированных немцев и их детей, но «немецкость» нельзя понимать без представления о соотношении различных сторон идентичности информантов. Проявлением «советскости» становится включённость людей в советские практики, в частности, восприятие идейных конструктов. *Каким же образом немцы могли стать частью советского общества, соответствовать советскому тождеству?*

¹¹³ Интервью с Локтевой Т.Д., 1937 г.р.

Этот вопрос лёг в основу данной главы. А предлагаемый ответ заключается в том, что таким мостиком могло стать приятие труда, как социально-значимого феномена. Труд вообще одна из заметных тем в рассказах у многих, кто говорит о немцах. Трудолюбие и осознание значимости труда – это не только неотъемлемые характеристики советского человека, но и немцев. Последнее проявляется в разных сюжетах: от освоения поволжских земель немцами-колонистами до темы о депортации немцев и их адаптации к новым условиям, что видно на примере мотива о «голой кочке».

3.1 Представление о труде и трудолюбии как путь конверсии

Нарратив о заселении немцами-колонистами Поволжья повествует о том, что земля была не обработана, и немцы благодаря своему труду смогли весьма быстро получить хороший урожай, у них развивалось скотоводство. В советский период Республика немцев Поволжья имела высокие показатели в сельском хозяйстве. Сразу же обеспокоились о школах, создали хорошую инфраструктуру, жилища. Даже после депортации они смогли обжить необжитые места¹¹⁴. Это устойчивое представление о трудолюбии, присущее немцам как этнической группе, можно обнаружить почти в каждом интервью или письменном воспоминании. В то же самое время труд является важнейшей составляющей советской идеи о человеке, благодаря труду человек преображается. Какую роль для вспоминающих играл труд? Где можно провести границу в понимании труда, когда говорят о советском и в национальном контекстах?

Как и в нарративе о заселении немцами Поволжья, рассказ о собственных достижениях основывается на двух посредниках. Во-первых, это самое общее представления о том, что немцы освоили земли Поволжья и создали хорошие хозяйства. Последняя основывается не только на

¹¹⁴ Документальное кино 1991 года «Изгой. Драма без финала». Фильм был сняты под руководством Центральной студии документального фильма (ЦСДФ)¹¹⁴, но выполнены другими отпочковавшимися с 1990-х более мелкими студиями. «Изгой» сделаны в Творческо-производственном объединении «Хронограф». Над фильмом работали: Г.Гурков (автор сценария), М.Вермишева (режиссер), В.Головня (оператор), В.Иванов, Э.Лещёва, И.Гусева, О.Петрищева.

трудолюбии, которое было присуще предкам-крестьянам живущим на Волге, но и родительском труде, благодаря которому удалось освоиться и выжить в Сибири. Они за счет этого смогли наладить жизнь на новом месте и имели даже авторитет на селе, смогли стать руководителями колхозов:

Инф.: Ну как, здесь они сами, по-моему, своим трудом всего добились. Только личным своим трудом. Они трудились во время войны не покладая рук¹¹⁵.

Во время экспедиции, моя коллега подчеркивала чистоту и ухоженность домов, палисадников информантов, которых можно считать потомками немцев. Такое представление возникало, в том числе на основе слов информантов.

Инф.: А мама у меня спокойная была такая, ее все уважали. Такая была...тихая такая женщина. Чистюля, справедливая¹¹⁶.

Кажется, что особенность немцев как трудолюбивого народа сочетается с необходимостью иметь порядок и чистоту. И это даже подчеркивается как национальная характеристика. *«Как родители говорили, что мы научили вас жить хотя бы вот здесь, в деревнях, что они приехали и научили жить. Что, мол, белье у них [местных] весело на заборах, всегда, когда стирали. Не было ни подзорок [занавески на окнах], ни кровати не заправлялись. Мол, мы научили хоть вас... Когда они увидели, что веревки весят, вот белье вешается все по порядку и это... и на окнах появились шторы, и вот что чисто-чисто... половечечки. Вот это научили хотя [б] жить. Чистота, эта...Ну, я все время говорю, ну, пусть я немка, зато чистоплотная [смеется]»¹¹⁷.*

В стихах Шнайдера В.К. представление о немцах формируется через идею об их роли как осваивателей, что невозможно было без присущего немцам трудолюбия и порядка. По приезду немцев на Волгу *«кругом были развалины и глинистая земля»*, и в результате их хозяйственной деятельности

¹¹⁵ Интервью с Овчинниковой А. Г., 1955 г.р.

¹¹⁶ Интервью с Шустовой И. И., 1938 г.р.

¹¹⁷ Интервью с Майснер М.А., 1953 г.р.

земля дала плоды, приведшее к тому, что в «1934г. республика немцев, на Волге получила орден за высокий урожай...». В истории о семье этот сюжет находит свое место:

*«Я родословную своей горжусь,
она в труде с утра и до темна
<...>»¹¹⁸*

В другом стихотворении он продолжает развивать эту тему:

*«<...>
Мы дружно жили и друг другу помогали;
вручную мы косили сено и хлеба.
Весь день со взрослыми косой махали
и ставили сулоны и стога.
Весной колосья собирали,
меняли вещи на еду,
в земле картошку мерзлую капали
и ели пучки, петушки и лебеду.
Цену поняли хлеба мы,
поняли труд, его значенье.
<...>»¹¹⁹*

Семейный опыт жизни в Сибири, который связан с трудностями первоначального освоения земли, и индивидуальный опыт становятся основой для конструирования индивидуального представления о труде. Можно сказать о том, что автор считает себя трудолюбивым, и это как одно из оснований для его представления о себе как о немце: «Я всегда гордился, что немец за трудолюбие и ум родственников»¹²⁰. Мотив труда выражен и тогда, когда Шнайдер В.К. пишет свою автобиографию (1994 г.). Он

¹¹⁸ Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись]... – Л. 42

¹¹⁹ Там же. – Л. 45

¹²⁰ Там же. – Л. 30

подробно расписывает свой трудовой путь, связанный с энергетической сферой. В его повествовании все началось с обучения на заочном отделении Всесоюзного Политехнического института (Москва), по окончании которого он получил специальность инженера теплоэнергетических установок электрических станций. Потом большой длинный опыт работы от рядового инженера электростанций до руководящих должностей на электростанциях Красноярского края и Бурятии. Важно сказать не только о том, кем работал, но и о заслугах, наградах, о всём том, что подтверждает профессионализм:

«Энергетикой занимался 33 года из них 22 посвятил КАТЭКу¹²¹. Специалистом я стал на Назаровской ГРЭС, где прошел путь от рабочего до директора, пройдя за 16 лет все ступени. На Н[назаровской]ГРЭС проработал 19 лет, получил 6 наград, в том числе орден «Знак почета». <...> На ней [Бурятская энергосистема] получил две награды в том числе и знак – «отличник энергетик». Экизбаская ГРЭС была самой крупной тепловой электростанцией в Союзе, <...> и была самой запущенная. Три кандидата отказались [руководить Экизбаской ГРЭС]. Когда со мной беседовал Министр Энергетики СССР он сказал: «Ты немец, ты справишься». На ней я получил орден трудового красного знамени за два года работы»¹²².

Для автора этих строк важно было подчеркнуть свою «немецкость» за счёт высказывания другого лица.

Столь важное место труд занимает и в воспоминаниях Леонгарда А.А. Относительно трудовой деятельности выстраивается общее повествование воспоминаний. Краткая история его жизни сводится к тому, что в 1939 году пошёл в школу. Учился он с желанием. После депортации (Ирбейский р-он Красноярского края) так и не пошёл в школу – в семье не хватало материальных средств, и к тому же дети в семье не знали русского языка. С

¹²¹ Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс. Канско-Ачинский бассейн — угольный бассейн, расположенный на территории Красноярского края и частично в Кемеровской и Иркутской областях.

¹²² Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись]... – Л.186

момента ухода отца в трудармию (1942г.), подрабатывал тем, что сапожничал. И продолжал заниматься этим ремеслом. В 1947 году вместе с отцом, после его возвращения из трудармии, строили дом для своей семьи. Несовершеннолетним помогал плотничать отцу. С 18 лет устроен в сплавной участок. Там местная учительница обучала рабочих грамоте. Так, Леонгард А.А. выучился писать и читать на русском языке.

В 1951 году в Степановке открыли лагерный участок (закрыт в 1957 году), где заготавливали лес. В цеху этого лагеря Леонгарда А.А. вместе с отцом заготавливали древесину. В 1957 году он был переведён в бригады. Руководил ремонтам бараков в поселке, строительством капитального деревянного моста через р. Кунгус. Долгое время работал бригадиром на других поселковых стройках. В 1992 году вышел на «заслуженный отпуск (пенсию)». И как и в случае с Шнайдером В.К., делается итоговое резюме заслуг выраженное в том, что его *«трудовой стаж – 48 лет. За долголетний добросовестный труд награжден: медалью «Ветеран труда», значком «отличник социалистического соревнования Минлесбумдревпром СССР», значком «победитель соцсоревнований» 1973г., значком «победитель соцсоревнований» 1974г.»*¹²³.

Помимо своих личных трудовых заслуг Леонгард А.А. написал о трудовой деятельности родителей до войны: *«Там [г.Маркс] наш отец работал начальником цеха на мебельном предприятии «Юнктурм»* - и после, в особенности показано, что многому он научился у отца. И в заключительной части своих воспоминаний *«Немного о гармошке»*, в которой рассказывается о жене и детях. Таких же тружеников родители хотят видеть в своих детях. Это видно из того, что Леонгард А.А. расписывает кто из его детей, какой университет окончил и кем работает. В конце делает заключение: *«Я ими горжусь»*, что есть некий итог их труда, как если бы речь шла об иных наградах.

¹²³ Леонгард А.А., Я вспоминаю. – Красноярск. – 2012. – С. 30.

В интервью женщины также обращались к истории своей трудовой деятельности в колхозах, трудовым заслугам. Они подчеркивают свою трудовые заслуги с помощью демонстрации наград.

Инф.: Что тебе еще? Медали показать?

Я.: Покажите...

Инф.: Ордена [уходит в соседнюю комнату]. <...>. Вот, у меня дипломы есть. Видишь? - Что заработала. Дипломы. <...>. Так, видишь, что мне давали-то?¹²⁴

Стивен Коткин в своей работе о Магнитогорских рабочих, обращается к советской идеологии, в которой труд занимал одно из центральных мест. Это мерило достижений, прав и обязанностей. При этом трудовая деятельность, работа была инструментом приведения индивида в «норму»¹²⁵. Норма определяла советского человека исходя из классового подхода. Несмотря на его внимание к 1930-м гг., интересными кажутся следующие его наблюдения о феномене трудовой биографии: «Для советского рабочего роль важного ритуала в определении его места среди других играла его трудовая биография, и среди наиболее важных ее деталей было место и время начала трудового пути»¹²⁶. Именно такой подход к описанию своего трудового пути придерживались депортированные немцы, чьи устные или письменные воспоминания приводятся в данной работе, особенно в письменных.

Определенно точно, что идентификация через труд у немцев носила положительный характер. «Трудовые биографии также становились достоянием общественности, превращаясь, таким образом, в важный ритуал необходимый для достижения признания среди равных себе или у других социальных групп»¹²⁷. Тоже самое происходит и по сей день, когда чествуют ветеранов труда. Под конец нашей беседы Курпас М.А. вынесла из дома диплом и медаль, которые ей вручили в местном Доме культуры по случаю

¹²⁴ Интервью с Локтевой Т. Д. (1936 г.р.)

¹²⁵ Коткин Стивен, Говорить по-большевистски (из кн.: «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // американская русистика., 2001. - М. – С. 255

¹²⁶ Там же. - С. 271

¹²⁷ Коткин Стивен, Говорить по-большевистски ... – С.272

80-летия победы в Великой Отечественной войне. К наградам прилагался сборник коротких биографий **«Трудовая слава Каратузского района. Детство, опыленное войной. Сагайский сельсовет»** (2012г.). Биографическая справка о Курпас М.А. содержит всего три абзаца, первый из которых посвящен информации о месте рождения, родителях и обстоятельствам, из-за которых она оказалась в Сибири. Далее следует:

«Окончив восемь классов, поехала в Красноярск в больницу и случайно узнала, что в селе Сагайском живет ее тетя. Поправившись после операции, поехала к ней, но денег хватило доехать только до Минусинска. Поступила на работу в «Заготзерно», получила получку и продолжила путь.

Она устроилась на работу в Каратузском «Заготзерно», выписала свою маму из Туруханска. В 1955 году они переехали в Сагайское и всю оставшуюся жизнь, вплоть до выхода на пенсию, [М.А] работала дояркой в колхозе. Она похоронила мужа и сына, живет сейчас с невесткой. Но к великой радости подрастают два внука, внучка и пятеро правнуков - ее надежда, опора в старости.

У нее множество Почетных грамот за ответственный добросовестный труд».

Вся информация говорит о том, какой трудовой опыт имеет Курпас М.А. и как ее жизнь связана именно с трудом, работой. Она работала, чтобы уехать в Сагайское, потом она устроилась работать в Каратузе, в котором работала до пенсии, и весь итог выражен в том, что у нее «множество Почетных грамот за ответственный добросовестный труд». Этим подчеркивается важность и значимость труда в жизни. Сама информанта рассказала, как они весело провели время на той встрече, как она пела песни со своими подругами и показывала фотографии с того вечера. Т.е. она не отрицала каким-то образом подчеркнутую важность труда. В этой же брошюре есть аналогичная запись о Локтевой Т.Д., которая *«окончила три*

класса и начала работать свинаркой – 30 лет отдала этой профессии. Еще семь лет трудилась на телятнике. Общий трудовой стаж – 48 лет – большая часть жизни».

Трудовая биография – звено, которое соединяет советские социальные требования, идеалы и основу социального нарратива о немцах как о трудолюбивом народе. Это также наводит на мысль, которую раскрывает Коткин – трудовая деятельность – это деятельность, ставшая практикой интеграции в советское общество, строившееся по классовым нормам. «Моей [С. Коткин] целью будет показать воздействие этих понятий [производительность труда, трудовая дисциплина, трудоспособность и политическая лояльность и социальное происхождение] на образ жизни рабочих и на понимание ими самих себя. <...> задача состоит в том, чтобы рассматривать эти понятия не с точки зрения их смысла и не как системы символов, но как вопрос маневра и контрманевра, короче говоря, как составную часть практики повседневного выживания»¹²⁸.

Интересными являются выводы К. Браун относительно депортированных в Казахстан поляков и немцев из «Крес». Приехав в Казахстан, где были большие неиспользуемые площади, они становились колонизаторами, которые могут помочь местному населению в развитии территории. И далее на этой основе депортированные «включаются» в общий советский проект модернизации. Сегодня, когда депортированные немцы в Красноярском крае говорят об освоении «голой кочки», они скорее подразумевают этом как преодоление индивидуальных трудностей, которые не заключены в рамки некоего общего социального проекта. Вопрос о роли депортированного населения в реализации народнохозяйственных задач можно поставит гораздо шире, стараясь понять, на сколько сами депортированные понимали и воспринимали свою деятельность как «осваивателей» неосвоенных территорий. На основе собранных материалов можно заключить, что немцы могли использоваться в качестве

¹²⁸ Коткин Стивен, Говорить по-большевистски ... – С.254

государственного инструмента колонизации, но это не отражалось в их первоначальном восприятии себя как колонизаторов. Особенно, когда в обществе было распространено негативное представление о немцах, как народе-враге, что люди думали, что они в жизни выглядят также как и на плакатах, где изображены с образе черта. Однако после определенной степени адаптации они становились – советскими тружениками, что не отличало их друг от друга.

В 1990-1991 гг. начинается «приноравливание к новой роли граждан постсоветского мира»¹²⁹. Но, думается, что это началось раньше, в период начавшейся Перестройки. Официальные письменные практики продолжали функционировать в советских рамках, но неофициальные включали в себя и попытки осмысления своей личности заново, на новых основах. Когда Шнайдер В.К. и Леонгард А.А. пишут свои автобиографии и распространяют их, как минимум в среде своих родственников и друзей, их рассказ о трудовой биографии становится общественным достоянием. Но в этих текстах уже нет исключительной роли труда и его классового понимания как критерия написания. В этих текстах, если так можно сказать, происходит соотнесение труда с той этнической идентичностью, которая есть у их авторов. Для Шнайдера В.К. это, в первую очередь, его «немецкость», которая проявляется в момент перестройки, когда люди могут посмотреть в прошлое, найти себя заново, найти свою новую идентичность.

«Труд» как сосуд, который олицетворяет немецкое сообщество в советские годы, содержимое которого поменялось постепенно за счет смешивания старого значения труда и нового-советского понимания. Сегодня в воспоминаниях нет указания на божественный аспект трудовой деятельности, в них труд выглядит как неотъемлемая часть человеческой деятельности, которая, возможно, сегодня теряет «классовую» сущность, но находится под влиянием нарративной формы о труде в советские годы. Но

¹²⁹ Шейла Фицпатрик, Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – М., 2011. – С. 346

уже в поздние советские годы и современный период происходит откат в прошлые, забытые смыслы, наполняющие своим новым значением идею о труде.

3.2. Другие проявления «советскости»

В силу возраста или других причин, многие информанты устремлялись в прошлое, стараясь оценить его или сравнить с настоящим. Примечательно, что сам вопрос об оценке прошлого порождал у людей в прошлом репрессированных два спектра оценок: с одной стороны, как человека реверсированного, он испытывал много трудностей и унижения со стороны представителей местной власти; с другой стороны, как простой советский человек, он жил лучше при советской власти, чем сегодня. Среди жителей Каратузского района кто-то вспоминает процветающее прошлое, в котором *«людям не хватало полей для покосов, а сейчас молока купить не у кого - от коров избавляются, не более 500 голов коров в стаде на все село, в 80-е - несколько тысяч»*¹³⁰. Данный конфликт нарративов позволяет задуматься о том, как два феномена идентичности – «немецкость» и «советскость» - сочетаются вместе.

Часто всплывала тема пьянства или наркомании, как критерий сравнения прошлого, т.е. советского времени и настоящего периода. Винтер Ф.Г. поделилась, что *«Такой жизнью мы не жили. Как бедно бы не было, мы не наркоманили. Никогда не было. Не было! Ну, как сказать... это, вот, уже маленько после войны, тут стали самогонку гнать - этим увлекались. В магазине же дорого. Ну, и садили за это тоже, арестовали даже. А щас пожалуйста... Пожалуйста - чё хошь, то и делай, торгуй»*¹³¹. В данном «мы» информантка заключает советское поколения, сравнивая советское отклонение от нормы поведения с современными представлениями об этом. Её оценка заключается в том, что тогда, в советские годы, было меньше пьяниц и наркоманов, чем сегодня, несмотря на похожие неблагоприятные

¹³⁰ Самозапись разговора с местным жителем.

¹³¹ Интервью с Винтер (Глейм) Ф.Г., 1928 г.р.

условия жизни, если они были. Да, и раньше все-таки было «пьянство», как видно из её слов, но тогда за этим следило государство и старалось пресекать подобное несоответствующее советскому человеку поведение, могли и «даже» арестовать. Далее Винтер Ф.Г. говорит, что и детей своих старалась воспитывать в том же духе: *«Мы [она и её муж] работали, детей вырастили. Вот, они сами все работать пошли сразу. По фабрикам да по заводам. Да, вот, так, вот, разъехались, так что... Они закончили школы здесь и аллюры¹³² в город»¹³³*. В этом коротком высказывании ощущается профилактическая и исцеляющая роль труда. Работа – способ не позволить себе или своим детям начать пить или употреблять наркотики.

Шнайдер В.К. депортированный немец, занимавшийся правами российских немцев *«в течении 40 лет (1952-1992). В 1952 г. в возрасте 18 лет написал Сталину об освобождении из под комендатуры. Через месяц меня вызвал комендант в г.Енисейске и страшно на меня орал, требуя прекратить писать. Я ему сказал: «Буду писать пока мне не ответят». И написал Ворошилову, Шверникову¹³⁴, Брежневу, Громыко – Председателям Президиума Верховного Совета СССР»¹³⁵*. Не имея самих писем трудно сказать об их содержании, но сам факт того, что автор пользовался самым способом общения с властью через письмо во власть, говорит о вовлеченности человека в советские практики. «Подобный канал связи функционировал лучше всех, предоставляя простым людям, не имеющих служебных связей одну из немногих доступных им возможностей защитить свои интересы...»¹³⁶. *«В 1958 г. был на приеме в ЦК КПСС. В 1964 г. был в составе первой немецкой делегации на приеме у председателя Президиума Верховного Совета СССР Анастаса Микояна 12.01.1965 г. Брежнев*

¹³² Надо ли пояснять? Сама предполагаю только, что это значит - «Шагом, галопом в город»

¹³³ Интервью с Винтер (Глейм) Ф.Г., 1928 г.р.

¹³⁴ Имеется в виду Шверник Николай Михайлович, Председатель Президиума Верховного Совета СССР 19.03.1947 – 15.03.1953

¹³⁵ Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись] // Личный архив семьи Воль Александра Кондратьевича (г. Енисейск) – Л. 189

¹³⁶ Фицпатрик Ш., Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М. – 2001. – С.210

*отказался нас принять. Всего было у руководства СССР 5 делегаций и всем отказали в восстановлении Республики немцев на Волге»*¹³⁷. Не добившись успеха в обретении автономии немцев в новой России, в 1991 году Шнайдер В.К. сделал запрос на выезд в Германию и весной 1995 года вместе с матерью, детьми и внуками переехал в Ганновер.

Обращают на себя внимание те истории, в которые вовлечены информанты. В д. Степановка Ирбейского района 2002 г. по инициативе Обермана В.Я. в центре деревни установлен памятник жертвам политических репрессий. Как он описывает в своей книге, установке памятника предшествовал спор о его назначении, о том, в чью память он призван увековечить. Кто-то хотел, чтобы это был памятник определенной национальности. «Пришлось проводить исторический ликбез, напоминать, что от репрессий пострадала не одна национальность, а десятки...».¹³⁸ Возникновение этого спора вызвано многонациональным разнообразием этого места, укрепившимся в результате депортаций.

Несмотря на значимость истории о депортациях, она сосуществует вместе с историей о Великой Отечественной войне. Памятный знак жертвам политических репрессий соседствует с памятником односельчанам-участникам войны, возложение цветов к которому становится частью, казалось бы, несвязанной с ним вечера встречи выпускников. А кандалы из «Амбарчика» находятся рядом с «Ирбейской правдой» 1945 г., в которой провозглашена победа СССР над фашистской Германией.

Похожая история и с тем, что мы узнали о Курпас М.А. и Локтевой Т.Д. Они обе депортированы в 1941 г. как представители внутреннего народа-врага, встроены в современный нарратив о победе в качестве детей войны. Образ пострадавших детей от войны, начатой Германией и детей, чьи родители и они сами были подвергнуты репрессиям из-за принадлежности к немецкой национальности не тождественны друг другу. Но сегодня для

¹³⁷ Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись] // Личный архив семьи Воль Александра Кондратьевича (г. Енисейск) – Л. 189-190

¹³⁸ Оберман В.Я., Прими земной полон. – Красноярск, 2009. – С.146

информантов это не представляет неудобств. Они принимают свои роли, присвоенные им в официальном дискурсе. Как было представлено на примере рассказа Чугунековой Л.Ф., такое принятие способствует и переформатированию нарратива о депортации в историю об эвакуации. А семейная история о гонениях трансформируется в семейную историю о вкладе в победу.

Ещё раз посмотрим на слова Исаковой М.А. о бабушках, которые все равно собирались, даже тогда, когда время изменилось, стало советским. Что нужно было сделать бабушкам и что осознать, чтобы соответствовать советскому времени? В исследованиях национального вопроса можно встретить идеи о советском проекте, который подразумевает создание социального тождества на основе советских идей¹³⁹. Ф.Хирш утверждает, что то, что в литературе называют «великим переломом» является не переломным моментом в политике большевиков, а следующей ступенью в достижении главной цели – коммунизма, поэтому это логично вписывается в эволюционизм, который она приписывает большевицким идеям. В этих условиях депортация немцев не только мера, связанная с, казалось бы, очевидной причиной для большевиков – опасностью столкновения с сепаратизмом или изменой, но и логично вписывающаяся в идею Ф. Хирш о двойной ассимиляции: сначала достижение национального тождества, потом советского.

¹³⁹ См. *Francine Hirsch*, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. (Culture and Society after Socialism.)* Ithaca: Cornell University Press. 2005. - pp. 294-295

Заключение

При анализе воспоминаний депортированных в Красноярский край поволжских немцев я старалась понять, что они говорят и пишут о себе, своей семье в контексте истории о депортации. Основное внимание было уделено национальной идентичности («немецкости») и её осмыслению. Ожидание того, что информанты будут говорить о «немецкости» основывалось на понимании значимости контекста национальной политики Советского Союза и её последствий. Данное убеждение продолжает оставаться в центре внимания многих исследователей, занимающихся историей СССР. А тема о депортации во время интервью определяла их обращение к «немецкости», но не определяла их как немцев.

Рассказывая о депортации, информанты часто были неподготовлены предоставить рассказ об истории семьи, о себе в рамках темы о депортации. Это может говорить об общей проблеме замалчивания подобных сюжетов из истории и отсутствии примеров того, как об этом можно рассказывать. Эта проблема нарративизации может быть возникает, когда рассказчики оценивают жизнь во время советского периода. В их оценках возникает конфликт двух возможных форм нарратива. С одной стороны, человек, сравнивая свою жизнь сейчас с жизнью до распада СССР, оценивает положительно советский период. С другой стороны, когда человек рассказывает о депортации семьи, он упоминает сюжеты бытовой дискриминации, плохого отношения к нему, его семье, чему дается негативная оценка.

В воспоминаниях можно увидеть общие черты. До депортации информанты были детьми или родились уже в условиях спецпоселения, поэтому их представления о депортации сформирована как постпамять. Другими словами, она сформирована под влиянием рассказов, поведения взрослых в пределах семейного общения. На основании данной связи сделан вывод об обусловленности «немецкости» семейным пространством. Семья, которую стоит понимать не строго как наличие кровнородственных связей, а

в более широком контексте, подразумевая еще и дружеские связи. После депортации люди опирались на поддержку других немецких семей, с которыми оказались в одном месте, они создавали тесные социальные связи друг с другом. Депортация связана с нарративизацией истории такой «семьи». В первую очередь, это можно объяснить тем, что были разрушены связи внутри более крупного сообщества (РНП). Мои информанты на момент депортации были детьми, и можно говорить о том, что они не были до конца интегрированы в национальное немецкое сообщество. В условиях после депортации у них был ряд причин отказаться от немецкой идентичности. Поэтому они выстраивают связь между этническим и семьей.

Разница между поколениями депортированных – родителей и детей – отражается и на восприятии себя в рамках национальных категорий. Как в письменных, так и в устных воспоминаниях возникает поколенческий разрыв, через который перед слушателем или читателем раскрывается национальная идентичность вспоминающего. Точнее, его оценка степени своей вовлеченности в это национальное сообщество – оценивать себя как «менее» немца, чем старшее поколение (родители и т.д.).

Среди общих мест в воспоминаниях присутствует идея постоянного перемещения, переезда с одного места на другое. Жизнь до депортации оценивается ими как стабильная и с достатком. История депортации подразумевает пассивную роль в начале, что проявляется в мотиве «24 часов». Постепенно пассивная роль трансформируется в активную: люди начинают осваивать новые пространства, трудиться и решаются на переезд в Германию. Восприятие себя в качестве активного осваивателя «голой кочки» стал важным аспектом. Это похоже на выводы К. Браун о депортированных из «Крес» в Казахстан в 1920-1930-е гг. немцев и поляков, которые говорили о себе с позиции колонизаторов, т.е. демонстрировали свою активную позицию.

С конца 1980-х гг. возникли условия для переконфигурации себя (организация новых сведений о себе), что, по мнению Ш.Фицпатрик, схоже с

условиями 1920-1930-х гг. Иногда отношение к депортации (по национальному признаку) становилась используемым для подтверждения создания своего образа как немца, что было продемонстрировано функционированием имён. Имена не есть идентичность, но может быть воспринята как её важный атрибут образа.

«Немецкость» не всегда становится призмой самоидентификации вспоминающих. В воспоминаниях присутствует «советскость». В первую очередь это обнаруживается в идее о труде, преображении через труд. На это обращает внимание С. Коткин, когда пишет о «Магнитке». Говорение о себе как о труженике становится распространенной практикой. В основе письменных воспоминаний, в большей степени, нежели в устных лежит история трудового опыта. Трудовая деятельность является магистральной линией развития их жизни, в то время как истории о семье имеют второстепенную роль, или даже описываются в категориях достижений и заслуг, как если бы они продолжали описывать свой трудовой путь. Когда информанты начинали говорить о своем жизненном пути, они также обращались к трудовой биографии, что проявилось в рассказах о достижениях, подкрепленных грамотами и т.п.

Мотив труда, идея о труде имела место быть и в том, как вспоминающие характеризовали немцев, которые умели трудиться, не боялись труда, всегда работали хорошо. В этой связи возникает представление, что труд является посредником между национальной (немецкой) и гражданской (советской) идентичностями. Сама идея и необходимость перехода от национального тождества к советскому выделена Ф.Хирш как характерная черта идеи об историческом развитии Советов. «Труд» позволял немцам интегрироваться в «советское общество». Более того, идея о труде позволяла человеку накладывать на себя двойственную немецко-советскую идентичность. Часть национального нарратива становится частью советского.

Многие авторы, как например Р. Суни, видят крах СССР в том, что национальный аспект не смог уступить место гражданственному началу для

самоопределения. Национальная политика советов, на мой взгляд, также определяет интерес многих авторов к бывшим советским республикам, что уводит внимание от тех народов, которые не имели возможности стать независимой страной. Таким народом стали поволжские немцы, депортированные в 1941 г., потерявшие свои прежние социальные связи и связь с родным местом. Сегодня они, как и их потомки, уже не живут в Советском Союзе и их рассказы о себе как немцах не связаны с большевистским пониманием нации. Более того, после депортации можно говорить о демонтаже немецкой нации в составе СССР.

Демонтаж наводит на две мысли. Во-первых, что для моих информантов их «советскость» заключается скорее в их принадлежности к Советскому Союзу, а не к советским немцам. А идея о двойной ассимиляции представляется полезной в этом кейсе. Во-вторых, остается вопрос об основах, которые подпитывают представления о «немецкости». Если в большевистском понимании нации у немцев в составе СССР не существует, то, как мне кажется, мои информанты обращаются к этничности. Они воспроизводят историю о заселении немцев-колонистов в Россию, что является мифом-«основанием». Информанты знают свою прародину, хотя не живут в тех местах: Поволжье и Гемания. Существуют общие представления о немецкой культуре, проявляющиеся в религии, языке, еде и т.п. Однако рамки этой немецкости почти всегда являются семейными, а не политическими.

Список использованных источников и литературы

Опубликованные источники

1. Леонгард А.А., Я вспоминаю. – Красноярск. – 2012. – 32с.
2. Энциклопедия Красноярского края [Электронный ресурс] : электрон. информационная платформа — URL: <http://my.krskstate.ru/> (дата обращения: 06.05.2017).
3. Официальный сайт Администрации Ирбейского района Красноярского края [Электронный ресурс]. — URL: <http://xn--90aiajhg2alm.xn--p1ai/index.php?id=24> (дата обращения: 06.05.2017).

Неопубликованные источники

4. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб). Пиннер А.Я. (Красноярский край, Кежемский р-он, д. Тагора), 2009г., фотокопии.
5. Бергман М.Г. (19.12.1904-05.06.2001), Воспоминания – архив Международного «Мемориала» (Мск). (На момент работы в архиве, данный источник еще не прошел процесс архивации, но был предоставлен для работы).
6. Шнайдер В.К. Пол века в ссылке [рукопись] // Личный архив семьи Воль А. К. (г. Енисейск) – 209л.

Интервью

1. Курпас М.А.
2. Роот И.В.
3. Эйснер Д.Ф.
4. Голубкова (Эйснер) Е.Ф.
5. Локтева (Шваберланд) Т. Д.
6. Роот В.В. (жена Роота Д.Е.)
7. Шустова (Пауль) И. И.
8. Винтер (Глейм) Ф. Г.
9. Берестова (Вайсброд) А. К.

10. Чугунекова (Гельгорн) Л. Ф.
11. Рехлова (Вебер) Ф. Г.
12. Овчиникова (Вилль) А. Г.
13. Оберман (Леонгард) М. А.
14. Леонгард В. А.
15. Симонова (Бопп) Е. А.
16. Майснер М. А.
17. Исакова (Штайнц) М. А.

Литература

1. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование / Л. П. Белковец. – Новосибирск, 2003.
2. Бердникова О. Вообще-то я русский... Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я чувствую, что я все-таки немец... // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. Воронкова В., Освальд И. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.
3. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61—115.
4. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию ...» / Н. Ф. Бугай. – М., 1995.
5. Герман А. А. СССР в 1930-е годы: «Борьба с немецким национализмом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 28
6. Джереми С. Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала “*Ab Imperio*”). – Казань, 2004. – С. 353-376.
7. Добренко Е. Сталинская культура: вслушиваясь в письмо, читая голос // Новое литературное обозрение. – 2012. - №5 (117) – [электронный

- ресурс] – режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2642> (дата обращения 10.01.2017).
8. Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.). – [электронный ресурс]. – режим доступа: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1033 (дата обращения 10.01.2017).
 9. Зберовская Е.Л. Трудовые мобилизации немцев – спецпереселенцев в 1940-е гг. на территории Красноярского края // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы междунаро. науч. конф., г. Красноярск, 13 – 16 октября 2004 г. – Отв. ред. В.А. Дятлова. – Красноярск, 2005. – С. 46 – 50
 10. Зберовская Е.Л. Трудовые мобилизации немцев – спецпереселенцев в 1940-е гг. на территории Красноярского края...
 11. Зевелева О. И. Дискурсивно-биографический подход в исследованиях репатриации (на примере российских немцев в Германии): дис. ... канд.соц.наук. РГГУ, Москва, 2016 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/xf/2015/12/03/1080876108/1%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%97%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения 05.05.2017).
 12. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930– 1960 / В.Н. Земсков. – М., 2003 и др.
 13. Исаев Б. А. Социология. Краткий курс. – СПб.: Питер, 2010. С.58.
 14. Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн.: «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация») // Американская Русистика: Вехи Историографии Последних Лет; Советский Период. – М., 2001. С. 255
 15. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – М., 2003.

16. Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал, 2014, №4(16). С.23–33 [электронный ресурс]. – режим доступа: http://npsyj.ru/pdf/npj-no16-2014/npj_no16_2014_23-33.pdf (дата обращения 10.01.2017).
17. Оберман В.Я. Прими земной поклон. – Красноярск, 2009.
18. Полян П.М. Не по своей воле ... (История и география принудительных миграций в СССР) – М.: О.Г.И. «Мемориал», 2001.
19. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб: изд-во ЕУСПб, 2003. С. 32-51.
20. Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы России и СССР (1900– 1941 гг.): мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2000. С. 503–516;
21. Славина Л.Н. Социально-демографические последствия депортации (на примере Красноярского края) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. С. 34–39.
22. Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира. Или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность? // Американская русистика: вехи истории. Советский период. – Самара, 2001.
23. Соколова А. Семейные реликвии и еврейская память // Антропологический форум, 2013, №19 . С.7 – [электронный ресурс] – режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/sokolova.pdf> (дата обращения 28.12.2016).
24. Терри М. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. – М., 2011.
25. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М., 2001. С.210

26. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – М., 2011.
27. Хирш М. Что такое постпамять / перевод статьи Марианны Хирш // Международный Мемориал: Проект «Уроки истории. XX век» [Электронный ресурс]. - URL: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (дата обращения 06.05.2017).
28. Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2000.
29. Botev N. The Ethnic Composition of Families in Russia in 1989: Insights into the Soviet «Nationalities Policy» // Population and Development Review Vol. 28, No. 4 (Dec., 2002). P. 681-706.
30. Brown K. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004.
31. Edgar A.L. Marriage, modernity, and the ‘friendship of nations’: interethnic intimacy in post-war Central Asia in comparative perspective // Central Asian Survey Volume 26, Issue 4, 2007. P. 581-599.
32. Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. (Culture and Society after Socialism.) Ithaca: Cornell University Press, 2005.
33. Hirsch M. The Generation of Postmemory // Poetics Today 29:1, 2008.
34. Paperno I. Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams, Cornell University Press, 2009.
35. Portelli A. The Battle of Valle Giulia. Oral History and the Art of Dialogue, University of Wisconsin Press, London, 1997.
36. Suny R.G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. — Stanford University Press, 1993.
37. Verdery K. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change, New York: Columbia University Press, 1999.

Электронные ресурсы

1. Международное общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.memo.ru/s/63.html>
2. Научно-информационный центр «Мемориал» в Санкт-Петербурге. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.memorial-nic.org/arch>
3. Красноярское общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.memorial.krsk.ru/>

Приложение

Рисунок 1. Памятные знаки расстрелянным сторонникам советской власти и погибшим в годы Великой Отечественной войны в с. Сагайское.

Рисунок 2. Сборник биографий «Трудовая слава Каратузского района. Детство, опыленное войной. Сагайский сельсовет» (2012г.). На обложке используются фотографии, изображающие детей-активных участников военных событий. Они рядом с солдатами или теми кто работает в тылу.

